

СВЯТИТЕЛЬ ИОАНН ЗЛАТОУСТ

«БЕСЕДЫ О ПОКАЯНИИ»

- [О покаянии, по возвращении из села](#)
- [О покаянии и о печали царя Ахаава, а также и о пророке Ионе](#)
- [О покаянии и молитве](#)
- [О покаянии и сокрушении сердца, а также о том, что Бог скор на спасение и медлен на наказание; здесь же дивная повесть о Раави](#)
- [О покаянии](#)
- [О покаянии и о тех, кто оставляют собрания; здесь же о священной трапезе и суде](#)

О покаянии, по возвращении из села

1. Помнили ли вы о нас, когда мы в течение этого времени были в разлуке с вами? Я так никогда не мог забыть вас, но, и оставив город, не оставил памяти о вас. Как любители красивых тел, куда бы не пошли, везде носят с собою любимый образ, так и мы, возлюбив красоту вашей души, всегда носим с собою прекрасный образ вашего духа. И как живописцы, смешивая различные краски, делают изображения тел, так и мы, вашу ревность к собраниям, усердие к слушанию, благосклонность к проповеднику и все другие добрые дела смешав, как бы различные краски добродетели, начертали образ вашей души, и, поставив его пред очами ума, от созерцания его получали немалое утешение в разлуке с вами. И этим мы занимались постоянно – и когда сидели дома и вставали, и когда ходили и отдыхали, и когда входили и выходили, всегда представляли себе вашу любовь. И этим созерцанием услаждались мы не только днем, но и ночью; с нами тогда было то же, о чем сказал Соломон: *«Аз сплю, а сердце мое бдит»* (Песн.5:2); потребность сна смыкала наши вежды, но сила любви вашей пробуждала от сна очи души моей; и часто казалось мне, будто я во сне беседую с вами. И в самом деле, душа обыкновенно ночью представляет то, о чем размышляет днем; это же было тогда и с нами: и не видя вас плотскими глазами, я видел вас очами любви, и не бывши с вами телом, был с вами душою, а уши мои постоянно оглашались вашим воплем. Поэтому, хотя болезнь телесная и побуждала меня оставаться там (в селе) долее и пользоваться целительным для плотского здоровья воздухом, но сила любви вашей не позволяла этого, напротив, вопияла и не переставала докучать дотоле, пока не заставила меня встать еще раньше надлежащего времени и ваше сообщество поставить наравне и со здоровьем, и с наслаждением, и со всем, что только есть доброго. И мы, склонившись на ее убеждения, лучше захотели возвратиться с остатками болезни, чем, стараясь о совершенном исцелении от немощи телесной, печаливать долее любовь вашу. Живя и там, я слышал ваши упреки, – частые письма доносили их до нас; и упрекающим я внимал не менее, чем хвалящим, потому что упреки те были выражением души, умеющей любить. Вот почему я встал и поспешно пришел; вот почему я никогда не мог выкинуть вас из своего ума!

И что удивительного в том, что я, живя в селе и наслаждаясь свободой, помнил о вашей любви, когда Павел, обложенный узами, живя в темнице и видя бесчисленное множество грозивших ему опасностей, – и в темнице, как бы среди

луга, помнил о братьях, и писал им так: *«Якоже есть праведно мне сие мудрствовати о... вас, за еже имети ми в сердцах вас, во узах моих и во ответе и извещении благовестия»* (Флп.1:7)? Снаружи цепь от врагов, а внутри цепь любви к ученикам; но наружная (цепь) скована из железа, а внутренняя составлена из любви; ту часто он и снимал, а этой никогда не разрывал. Напротив, как жены, испытавшие болезни рождения и сделавшиеся матерями, всегда привязаны бывают к своим детям, где бы они ни были, так, или еще гораздо крепче их, и Павел всегда привязан был к ученикам своим, и тем крепче, чем болезненнее духовное рождение плотского. В самом деле, и он был в муках рождения, и не однажды, но для одних и тех же дважды, и потому вопиял: *«Чадца моя, имиже паки болезную»* (Гал.4:19). Этого никогда не может испытать жена, никогда не вытерпит она в другой раз те же муки рождения; а Павел вытерпел то, чего нельзя видеть в природе, – он снова зачал тех, которых уже раз родил, снова перенес для них жестокие муки рождения. Поэтому, желая пристыдить их, он и говорил: *«имиже паки болезную»*, как бы так говоря: «Пощадите меня; никакой сын в другой раз не подвергал матернего чрева мукам рождения, а вы заставляете меня терпеть это». Притом, те болезни мучат одно мгновение, и прекращаются, коль скоро дитя выйдет из утробы матерней, а эти не так, напротив, продолжаются даже по целым месяцам. Павел часто по целому году был в муках рождения, и не мог родить зачатых им. Там труд плоти, а здесь болезни терзают не чрево, но поражают самую силу души. И чтобы увериться, что эти болезни (духовного рождения) тяжелее, (подумай), какая мать решилась когда-либо пойти в геенну за своих детей? А Павел не только решается пойти в геенну, но и желает отлучен быть от Христа, только бы ему родить иудеев, для которых он всегда и непрерывно был в муках рождения; и как это не сбывалось, то он с горестью говорил: *«Скорбь ми есть велия и непрестающая болезнь сердцу моему»* (Рим.9:2). И здесь опять: *«Чадца моя, имиже паки болезную, дбндеже вообразится Христос в вас»* (Гал.4:19). Что блаженнее той утробы, которая могла рождавать таких детей, кои способны иметь в себе Христа? Что плодоноснее той, которая родила всю вселенную? Что сильнее той, которая родившихся и возросших недоносков могла снова зачать и преобразовать? Это в естественных родах невозможно. Но почему Павел не сказал: *«Чадца моя, ихже паки рождаю»*, но: *«имиже паки болезную»*, хотя в другом месте говорит о себе, что он рождает: *«о Христе бо Иисусе ...аз вы родих»* (1Кор.4:15)? Потому, что там он хотел показать только сродство, а здесь старался выставить и труд. Как же он называет чадами тех, которые еще не родились? Если он болезнует, значит, еще не родил: как же называет чадами? Дабы ты знал, что он терпит уже не первые муки рождения, и этого довольно было, чтобы пристыдить их (галатян). Я, говорит, был уже раз отцом и перенес для вас, какие следовало, муки рождения; и вы раз сделались уже чадами: для чего же снова подвергаете меня вторичным мукам рождения, для чего же снова терзаете меня болезнями? В самом деле, падения верных причиняли ему не меньшую скорбь, чем и (грехи) еще неверовавших: невыносимо тяжело было видеть, как они (верующие), после участия в таких Таинствах, уклонялись в нечестие. Поэтому он весьма горько и жалобнее всякой жены плакал и говорил: *«Чадца моя, имиже паки болезную, дбндеже вообразится Христос в вас»* (Гал.4:19). А это говорил он для того, чтобы в то же время и ободрить, и утешить (галатян). Показав, что Христос не вообразился в них, Павел поверг их в смущение и страх; а дав понять, что Он может вообразиться, – опять возбудил в них бодрость. Слова: *«дбндеже вообразится»* – показывают и то, что (Христос) еще не вообразился, и то, что Он может снова вообразиться. Если б это было невозможно, то (Павел) напрасно бы

и говорил им: *«дондеже вообразится Христос в вас»*, и льстил бы их суетными надеждами.

2. Итак, зная это, не станем и мы отчаиваться, но и не будем совершенно беспечны: то и другое пагубно. Отчаяние не позволяет встать лежащему, а от беспечности падает и стоящий; то обыкновенно лишает приобретенных благ, эта не позволяет избавиться от постигших зол. Нерадение низвергает и с самого неба, а отчаяние сводит в самую бездну зла, тогда как отсутствие отчаяния скоро изводит и оттуда. Вот, смотри на силу того и другого. Дьявол прежде был добр; но, сделавшись беспечным и отчаявшись, пал в такую злобу, что после уже и не восстал. А что он был добр, – так послушай, что (Христос) говорит: *«видех сатану, яко молнию с небесе спадша»* (Лк.10:18). Сравнение с молнией показывает и светлость прежнего состояния, и быстроту падения. Павел был хулитель, и гонитель, и обидчик; но как возревновал и не предался отчаянию, то и восстал и сделался равным Ангелам. Напротив, Иуда был апостолом, но, предавшись беспечности, сделался предателем. Опять, разбойник, так как не отчаялся и после такой злой жизни, то прежде всех других вошел в Рай; фарисей, по самонадеянности, упал с самого верха добродетели; мытарь, не поддавшись отчаянию, так исправился, что упредил и того (фарисея). Хочешь, покажу тебе и целый город, сделавший это? Так спасся целый город ниневитян. Хотя приговор повергал их в отчаяние, – так как (пророк) не сказал, что, если они покаются, то спасутся, но просто: *«Еще три дни, и Ниневия превратится»* (Ион.3:4), – однако же, несмотря на то, что Бог угрожал, и пророк вопиял, и приговор не допускал ни отсрочки, ни ограничения, они не упали духом, и не потеряли доброй надежды. Бог для того не сделал (в этом приговоре) ограничения и не сказал: если покаются, то спасутся, чтобы и мы, когда услышим Божий приговор, произносимый без ограничения, тоже не отчаивались и не унывали, взирая на этот пример (ниневитян). Но человеколюбие Бога видно не из того только, что Он, хотя и не сделал ограничения в приговоре, однако же примирился с покаявшимися, а даже из того, что произнес безусловный приговор. Он сделал это, чтобы увеличить (в ниневитянах) страх и поразить великую их беспечность. Да и самое время покаяния показывает неизреченное Его человеколюбие: что такое могли значить три дня, чтобы загладить столь великие пороки? Не видишь ли, как и отсюда открывается Божия попечительность? Она-то преимущественно и содействовала спасению этого города.

Итак, зная это, не будем никогда отчаиваться, потому что нет ни одного столь сильного оружия у дьявола, как отчаяние. И мы не так радуем его, когда грешим, как – когда отчаиваемся. Можешь видеть на блуднике, как Павел страшился отчаяния больше греха. Пиша к коринфянам, он так говорил: *«Отнюдь слышится в вас блужение, и таково блужение, якоже ни во языцех именуется»* (1Кор.5:1). Не сказал «на какое не решаются даже между язычниками», но *«ниже ...именуется»*, то есть, что у них не терпимо даже имени, на то у вас дерзнули самым делом. *«И вы разгордесте»* (1Кор.5:2). Не сказал: «и он (блудник) разгорделся», но, оставив согрешившего, обращается к здоровым, подобно тому, как поступают врачи, которые, оставив больного, много говорят с родными его. С другой стороны, и сами (здоровые) были причиной гордости его, потому что не осуждали и не устрашали его. Поэтому Павел сделал вину общей, чтобы удобнее было лечение раны. Худо грешить, но гораздо хуже еще гордиться грехами. Если надмение праведностью уничтожает праведность, тем более надмение грехами причинит нам крайний вред, и будет гораздо виновнее самых грехов. Поэтому (Господь) говорит: *«Егда сотворите вся повеленная... глаголите, яко раби неключими есмы»* (Лк.17:10). Если же сотворившие все должны унижать себя, тем более грешнику прилично и

плакать, и считать себя между последними. На это именно указывая тогда, (апостол) говорил: *«и не паче плакасте»* (1Кор.5:2). Что говоришь? Другой согрешил, а я буду плакать? Да, говорит, потому что все мы связаны между собою наподобие тела и членов; а в теле мы видим, что, если и нога получит рану, то склоняется голова. Что, кажется, почетнее головы? Но она не смотрит на (свое) достоинство во время несчастья; так и ты поступи. Поэтому и Павел увещевает: *«Радоватися с радующимися, и плакати с плачущими»* (Рим.12:15). Поэтому и коринфянам он говорит: *«И не паче плакасте, да измется от среды вас содеявый дело сие»* (1Кор.5:2). Не сказал: «и вы не постарались», – но что? *«Не паче плакасте»*, – как будто всеобщая болезнь и зараза постигла город. Как бы так говорит он: потребны молитва и исповедь, и усердные моления, чтобы эта болезнь изгнана была из всего города. Видишь, какой навел на них страх? Они думали, что зло остановилось только на согрешившем, и потому апостол возбуждает в них беспокойство, говоря: *«Не весте ли, яко мал квас все смешение квасит?»* (1Кор.5:6). А это значит вот что: зло, распространяясь мало-помалу, касается и прочих членов; поэтому тебе нужно озаботиться, как подобает пекущемуся об общем бедствии. Не говори мне, что он согрешил один; посмотри на то, что этот грех есть некоторого рода яд, и (от одного члена) распространяется по всему остальному телу. И как во время пожара, и те, которые еще не пострадали от него, суетятся не менее подвергшихся уже этому несчастью, и употребляют все усилия, чтобы огонь, распространяясь, не дошел и до их дверей; так и Павел возбуждает коринфян, говоря: пожар занялся; предупредим несчастье; погасим пожар, прежде чем он объял Церковь. Если же ты не обращаешь внимания на грех, потому что он совершился в теле другого, то и в этом случае поступаешь весьма худо: ведь согрешивший есть член всего тела (Церкви).

3. Но смотри еще на то, что, если ты поленишься и не обратишь внимания (на чужой грех), он когда-нибудь овладеет и тобою. Посему, если не ради брата, то, по крайней мере, ради самого себя воспряни и останови заразу, не дай распространяться яду и прекрати губительный недуг. Итак, сказав это и больше этого, и повелев предать грешника сатане, Павел после того, как (грешник) переменился и сделался лучше, говорит: *«Доволно таковому запрещение сие, еже от многих. Темже... утвердите к нему любовь»* (2Кор.2:6, 8). Так как он всем представил его, как общего врага и неприятеля, отлучил от стада и отсек от тела, то смотри, сколько употребляет теперь старания, чтобы снова сблизить и присоединить его. Не просто сказал: «полюбите его», но – *«утвердите к нему любовь»*, то есть, покажите любовь твердую и неизменную, жаркую, горячую и пламенную; покажите благосклонность, равносильную прежней вражде. Что случилось, скажи мне? Не сатане ли ты предал его? Да, говорит; только не для того, чтобы он оставался в руках сатаны, но чтобы скорее избавился из-под власти его. Смотри же, сколько Павел, как я сказал, боялся отчаяния, как сильного оружия дьявола. Сказавши: *«утвердите к нему любовь»*, присовокупляет и причину: *«да не како многою скорбию пожерт будет таковый»* (2Кор.2:7). Овца, говорит, в пасти волка: поспешим же, исхитим ее, пока (волк) не поглотил и не погубил нашего члена. Корабль обуревается волнами: постараемся спасти его, пока не потонул. Как ладья тонет, когда море воздымается и волны восстают со всех сторон, так и душа, когда отовсюду обнимает ее печаль, скоро гибнет, если никто не подаст ей помощи; и спасительная печаль о грехах от неумеренности становится гибельной. И смотри, какая точность в словах. Не сказал: «да не погубит его дьявол», но что? *«Да не обидими будем от сатаны»* (2Кор.2:11); а здесь слово «обида» (pleonexia) значит похищение чужого. Итак, показав, что согрешивший через покаяние сделался уже чужим для дьявола и своим в стаде

Христовом, Павел говорит: *«да не обидими будем от сатаны»*, потому что если сатана и после этого будет удерживать его, то он похищает уже наш член, берет овцу из нашего стада, так как тот уже сложил с себя грех через покаяние.

Так Павел, зная, что сделал дьявол с Иудею, боялся, чтобы и здесь не случилось то же самое. Что же сделал (дьявол) с Иудею? Иуда раскаялся: *«Согреших, – говорит, – предав кровь неповинную»* (Мф.27:4). Услышал эти слова дьявол; понял, что Иуда вступает на путь к лучшему и идет к спасению – и устрасился такой перемены. Человеколюбив, говорит, у него Господь: когда хотел (Иуда) предать Его, Он плакал о нем и многократно вразумлял его; не гораздо ли более примет его кающегося? Когда он был неисправим, и тогда влек и звал его к Себе: не гораздо ли более привлечет к Себе исправившегося и познавшего свой грех? Для этого-то Он пришел и на распятие. Что же (дьявол) сделал? Смутил Иуду, омрачил чрезмерностью печали, гнал, преследовал, пока не довел до петли, пока не вывел из настоящей жизни и не лишил намерения покаяться. А что спасся бы и Иуда, если бы остался жив, это видно из примера распинателей. Если (Господь) спас вознесших Его на Крест, и на самом Кресте умолял Отца и просил им прощения в грехе, то явно, что Он со всем благоволением принял бы и предателя, если бы этот принес надлежащее покаяние; но он не в состоянии был воспользоваться сим врачевством, быв поглощен чрезмерной скорбью. Этого-то именно опасаясь, Павел понуждает коринфян исхитить того человека из челюстей дьявола. И зачем говорить о том, что было у коринфян? Петр трижды отрекся после участия в Таинствах, но слезами загладил все. Павел был гонитель, богохульник и обидчик, гнал не только Распятого, а также и всех последователей Его; но – раскаялся, и стал апостолом. Бог требует от нас только малого повода, и дарует нам отпущение многих грехов. Скажу вам и притчу, которая служит подтверждением этого.

4. Были два брата; они разделили между собою отеческое имение, и один из них остался дома, а другой прожил все, что было ему дано, и ушел в чужую сторону, не в состоянии будучи переносить стыда от бедности. Эту притчу нашел я нужным сказать для того, чтобы вы знали, что отпускаются и грехи, сделанные после крещения, – если мы будем внимательны. А это говорю не для того, чтобы вовлечь вас в беспечность, но чтобы отвлечь от отчаяния, потому что отчаяние причиняет нам больше зла, нежели беспечность. Итак, этот (блудный) сын представляет собою образ падших после крещения; а что он означает падших после крещения, видно вот откуда: он называется сыном, а сыном никто не может назваться без крещения. Он и жил в доме отеческом, и получил долю во всем отеческом имуществе, а прежде крещения нельзя воспользоваться отеческим достоянием, ни получить наследство. Таким образом, все это указывает нам на общество верных. Притом, (блудный сын) был братом жившего честно, а братом не мог быть без духовного возрождения. Итак, этот (блудный сын), дойдя до крайней степени порока, что говорит? Возвращусь опять *«ко отцу моему»* (Лк.15:18). Отец для того и отпустил его и не помешал ему уйти на чужую сторону, чтобы он опытом узнал, сколько получал благодеяний, живя дома. И Бог часто, когда не убедит словами, дает урок самыми делами, – об этом Он говорил к иудеям. Так Он, когда, потратив через пророков множество слов, не убедил и не склонил (их), то, определив дать им урок наказанием, говорит к ним: *«Накажет твоя отступление твое, и злоба твоя обличит твоя»* (Иер.2:19). Следовало бы верить Ему и прежде самого события, но как они были столько бесчувственны, что не верили Его увещаниям и советам, коими Он предотвращает их от порока, то Он уже попускает самым событиям вразумить их, дабы хоть таким образом снова привлечь их к себе. Когда же блудный сын, ушедши на чужую сторону и дознавши опытом, как губительно удаление из дома

отеческого, возвратился, – отец не позлопамятствовал, но принял его с распростертыми руками. Отчего же так? Оттого, что он был отец, а не судья. И вот уже ликования и пиршества, и праздники, и светел и радостен стал весь дом! Что говоришь? Это ли плата за порок? Не за порок, человек, но за возвращение (в дом); не за грех, но за покаяние; не за худые дела, но за исправление. И что еще больше, – когда старший сын огорчился этим, отец и его ласково успокоил, говоря: *«Ты всегда со мною еси... а сей... изгibl бе, и обретеса, ...мертв бе, и оживе»* (Лк.15:31–32). Когда, говорит, нужно спасти погибшего, то тут время не суда и строгого исследования, но только человеколюбия и прощения. Ни один врач, вместо того, чтобы дать лекарство больному, не подвергает его взысканиям и наказанию за беспорядочную жизнь. Если же блудному сыну надлежало непременно понести и наказание, то достаточным наказанием для него была жизнь на чужой стороне. Ведь столько времени он провел вдали от нашего сообщества, боролся и с голодом, и с унижением, и с крайними бедствиями. Поэтому говорит: *«изгibl бе, и обретеса, ...мертв бе, и оживе»*. Не смотри, говорит, на настоящее, но подумай о великости прежнего несчастья; перед тобою брат, не чужой. Он возвратился к отцу, который не может помнить прежнего, а охотнее помнит только то, что может побудить к состраданию, милосердию, любви и снисходительности, свойственной родителям. Поэтому и сказал (отец) не о том, что сделал (блудный сын), но о том, что он потерпел; напомнил не о том, что он истратил имущество, но о том, что перенес множество несчастий. С такой же, или еще с большей, ревностью искал он овцу. Здесь сын сам возвратился, а там сам пастырь пошел и, найдя овцу, привел ее и радовался о ней больше, чем о всех, возвратившихся благополучно. Смотри еще, как и возвратил: не бичом погонял, но, возложив на плечи, принес и снова соединил с стадом.

Итак, зная, что (Бог) не только не отвращается от обращающихся, но и принимает их не хуже добродетельных; что не только не подвергает наказанию, но и Сам идет отыскивать заблудших и, найдя их, радуется (о них) более, чем о тех, которые были в безопасности, – не будем ни отчаиваться о грехах, ни излишне надеяться на добрые дела, но, и живя добродетельно, будем бояться, чтобы от излишней надежды не пасть, а когда согрешим, станем каяться. Что сказал я вначале, то говорю и теперь, а именно, что и излишняя надежда стоящего, и отчаяние лежащего, то и другое гибельны для нашего спасения. Потому Павел, остерегая стоящих, говорил: *«Мняйся стояти да блюдется, да не падет»* (1Кор.10:12), и опять: *«боюся, да не како, иным проповедуя, сам неключим буду»* (1Кор.9:27); а восставляя лежащих и побуждая к большей ревности, писал к коринфянам так: *«да не како ...восплачуся многих прежде согреших и не покаившихся»* (2Кор.12:21), показывая этим, что слез достойны не столько согрешающие, сколько нераскаивающиеся во грехах. Да и пророк к ним (грешникам) говорит: *«Еда падаяй не востает, или отвращаяйся не обратится?»* (Иер.8:4). И Давид их же убеждает, говоря: *«Днесь аще глас Его услышите, не ожесточите сердце ваших, яко в прогневании»* (Пс.94:7–8). Итак, доколе говорится это «днесь», не будем отчаиваться, но имея благие надежды на Господа, и помышляя о бездне Его человеколюбия, изгнав из совести все злое, с великим усердием и надеждою возьмем за добродетель и покажем самое глубокое покаяние, дабы, здесь сложив все грехи, с дерзновением могли мы стать перед Судилищем Христовым и получить Царство Небесное, которого да сподобимся все мы по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

О покаянии и о печали царя Ахаава, а также и о пророке Ионе

1. Видели вы в прошедший воскресный день брань и победу – брань дьявола, а победу Христа? Видели, как покаяние было похваляемо, и дьявол не снес поражения, но убоился и вострепетал? Отчего ты боишься, дьявол, когда покаяние похваляется? Отчего скорбишь? Отчего трепещешь? Да, говорит, не напрасно я скорблю и сокрушаюсь: дорогие мои сосуды похитило это покаяние. Какие же сосуды? Блудницу, мытаря, разбойника, хулителя. И подлинно, много сосудов похитило у него покаяние, разрушило и самую его твердыню, нанесло ему смертельный удар. Это можешь ты узнать, возлюбленный, из того, что недавно показал опыт. Но отчего же мы не любим собираться сюда, и не приходим каждый день в церковь для покаяния? Ты грешник? Приди в церковь, чтобы исповедать грехи твои. Ты праведник? Приди, чтобы не потерять праведности: церковь есть пристань для того и другого.

Ты грешник? Не отчаивайся, но приди, принеси покаяние. Ты согрешил? Скажи Богу: «я согрешил». Какой тут труд? Какое обременение? Какая скорбь? Какая тягость – сказать слово: «я согрешил»? Если сам ты не назовешь себя грешником, то разве не будешь обвинен дьяволом? Предупреди же и лиши его этой чести; а его честь состоит в том, чтобы обвинять. Почему же не предупреждаешь его, и не исповедуешь греха, и не изглаждаешь преступления, когда знаешь, что есть против тебя такой обвинитель, который не может умолчать? Ты согрешил? Приди в церковь, скажи Богу: я согрешил. Ничего другого я от тебя не требую, кроме одного этого. Божественное Писание говорит: *«Глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися»* (Ис.43:26): скажи грех, чтобы разрешить грех. Для этого не нужны ни труд, ни многословие, ни денежная издержка, ни что другое подобное: произнеси слово, откройся в грехе и скажи: «я согрешил». Но откуда известно, скажет кто-нибудь, что, если я первый скажу грех, то разрешу грех? В Писании есть пример и такого человека, который исповедал грех – и загладил его, и такого, который не исповедал – и был осужден. Каин умертвил брата своего Авеля из зависти, – убийство было следствием зависти; он убил его, взяв его с собою в поле. И что же говорит ему Бог? *«Где... Авель брат твой»* (Быт.4:9)? Тот, Кто знает все, спрашивает не по неведению, но чтобы привлечь убийцу к покаянию. А что Он спрашивал не по неведению, это доказал Сам вопросом: *«Где... Авель брат твой?»*. Каин же отвечал: *«Не вем; еда страж брату моему есмь аз?»* (Быт.4:9). Пусть так, ты не страж: для чего же убийца? Ты не оберегал: для чего же умертвил? Но ты признаешься в том¹? Ты должен бы и беречь его. Что же Бог к нему? *«Глас крове брата твоего вопиет ко Мне от земли»* (Быт.4:10). Тотчас обличил его и наложил на него наказание, не столько за убийство, сколько за бесстыдство, потому что Бог ненавидит не столько согрешающего, сколько бесстыдного. И когда Каин раскаивался, (Бог) не принял его, без сомнения, потому, что он не первый исповедал свой грех. Что говорит (Каин)? *«Вящшая вина моя, еже оставится ми»* (Быт.4:13); как бы так сказал: тяжело я согрешил, недостоин и наслаждаться жизнью. Что же к нему Бог? *«Стеня и трясыйся будешь на земли»* (Быт.4:12); таким образом определил ему страшное и тяжкое наказание. Не лишаю, говорит, тебя жизни, дабы истина не была предана забвению, но делаю из тебя закон, который бы могли все читать, чтобы твое бедствие стало матерью любомудрия. И Каин ходил всюду, как живой закон, как столп движущийся, – безмолвный, и однако ж издававший голос звучнее всякой трубы. Никто не делай, говорил он, того же, что я сделал, дабы не потерпеть того же, что я терплю. Он подвергся наказанию за бесстыдство; осужден за грех, потому что не сам исповедал его, но был обличен в нем. А если бы он сам первый сказал свой грех, то загладил бы его.

2. Но чтобы убедиться тебе, что это действительно так, посмотри, как некто другой, первый исповедав грех, загладил его. Обратимся к Давиду, пророку и

царю. Впрочем, я охотнее называю его по пророчеству, так как царство его простиралось на Палестину, а пророчество – до пределов вселенной; царство разрушилось в короткое время, а пророчество приносит вечные глаголы. Лучше пусть солнце померкнет, чем слова Давида предадутся забвению. Он впал в прелюбодеяние и убийство. Он увидел, – говорит Писание (2Цар.11:2), – моющуюся красивую женщину, и возгорел к ней любовью; потом свои помыслы привел в исполнение. И вот пророк в прелюбодеянии, драгоценный перл – в грязи. Но он еще не сознавал, что согрешил, так был усыплен страстью! Когда правящий колесницею не трезв, то и колесница несется беспорядочно; а колесница и правящий ею то же, что наше тело и душа. Если душа омрачена, то и тело погрязает в нечистоте. Доколе правящий колесницею стоит твердо, дотоле и колесница бежит хорошо; но когда он теряет силы и не может править вожжами, тогда и самая колесница является в самом худом положении. Так бывает и с человеком. Доколе душа трезва и бодра, дотоле и само тело пребывает в чистоте; а когда душа омрачена, тогда и само тело погрязает в нечистоте и сладострастии.

Что же Давид? Совершил прелюбодеяние, но не сознавал этого, и ни от кого не был обличаем. Притом, (совершил это) в глубокой старости, дабы знал ты, что, если будешь беспечен, то и старость не принесет тебе пользы, и наоборот, если будешь рачителен, то и юность не может повредить тебе. Не от возраста добрые нравы, но от душевного расположения добрые дела. Вот Даниил был только двенадцати лет – и судил; а старцы были преклонных лет – и замыслили прелюбодеяние (Дан.13:45–62); и как последним не принесла пользы старость, так первому не повредила юность. И чтобы ты узнал, что дела целомудрия зависят не от возраста, но от душевного расположения, вот Давид, уже в старости, впал в прелюбодеяние, совершил убийство и был в таком состоянии, что и сам не знал, что он согрешил, так как управитель – ум был упоен невоздержанием. Что же Бог? Посылает к нему Нафана пророка. Пророк приходит к пророку. Так бывает и с врачами: когда врач делается болен, тогда нуждается он в другом враче. То же самое и здесь. Пророк согрешил, пророк же принес и врачество. Итак, приходит к нему Нафан, и не сейчас, как переступил порог, обличает его, не говорит: «Беззаконник, непотребный, прелюбодей и убийца! Столько почестей получил ты от Бога – и попрам заповеди Его!». Ничего такого не сказал Нафан, дабы не сделать его бесстыдным, потому что оглашение грехов вызывает согрешившего на бесстыдство. Итак, Нафан приходит к Давиду и сплетает рассказ о тяжёлом деле. Что же говорит? Царь, у меня есть к тебе жалоба. Был человек богатый, и был другой бедный. У богатого были стада и много волов; а бедный имел только одну агницу, которая пила из его чаши, ела от стола его и спала на груди у него. Здесь (пророк) указывает на любовь мужа к жене. Но пришел к богатому один гость, и он пожалел своего, и взял овцу бедного и заколол ее (2Цар.12:1–4). Видишь, как Нафан здесь сплетает рассказ, скрывая нож под губкою? Что же царь? Думая, что осуждает другого, он тотчас же произнес приговор. Таковы люди! Против других они охотно и быстро составляют и произносят приговоры. И что же говорит Давид? *«Жив Господь!»*, достоин смерти таковой *«и агницу возвратит четверницею»* (2Цар.12:5–6). А что Нафан? Он не стал долго смягчать рану, но тотчас открывает ее, и весьма быстро разрезывает, чтобы не уменьшить чувства боли. *«Это ты, царь»*. Что же говорит царь? *«Согреших ко Господу»* (2Цар.12:13). Не сказал: «Кто ты такой, что обличаешь меня? Кто послал тебя так смело говорить? Как ты дерзнул сделать это?». Ничего такого не сказал, но сознал грех и сказал: *«Согреших ко Господу»*. Что же Нафан к нему? *«И Господь отъя согрешение твое»* (2Цар.12:13). Ты сам осудил себя, я освобождаю тебя от осуждения; ты принес искреннее признание – и загладил грех; ты сам подверг себя осуждению, я уничтожил приговор. Видишь,

как исполнилось слово Писания: *«Глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися»*? Какой это труд – сказать первому свой грех?

3. Но есть и другой путь покаяния. Какой же это? Оплакивание греха. Ты согрешил? Плачь, и изгладишь грех. Какой это труд? Ничего больше не требую от тебя, кроме плача о грехе. Не приказываю тебе ни рассекать моря, ни входить в пристани, ни путешествовать, ни отправляться в дальний путь, ни тратить деньги, ни вверять себя бурным волнам, – но что? Поплачь о грехе. Но откуда, скажешь, известно, что, если буду плакать, то уничтожу грех? Есть для тебя и на это доказательство в Божественном Писании.

Был некто Ахаав царь. Сам он, говорится, был справедлив; но из-за Иезавели, жены своей, царствовал худо. Он пожелал иметь виноградник одного израильтянина, Навуфея, и послал к нему сказать: отдай мне твой виноградник, который мне захотелось иметь, и возьми от меня или деньги, или другое место. Тот отвечал: *«Не дай Бог, чтобы я продал тебе наследие отцов моих»*. Ахаав, хоть и желал иметь виноградник (Навуфея), однако ж не хотел взять его силою, так что от этого впал в болезнь. Но вот приходит к нему Иезавель, женщина бесстыдная и бессовестная, распутная и непотребная, и говорит: *«Что ты печалишься и не ешь? Встань и ешь; я сделаю, что ты получишь виноградник Навуфея израильтянина»*. И вот пишет от лица царя к старейшинам письмо такого содержания: объявите пост, и поставьте лжесвидетелей против Навуфея, (которые бы показали), что он (не) благословил Бога и царя, то есть, произнес хулу на них. О, пост, исполненный крайнего нечестия! Объявили пост, чтобы совершить убийство! Что же последовало? Навуфеем побит был камнями и умер. А Иезавель, узнавши об этом, говорит Ахааву: встань, овладеем виноградником, потому что Навуфеем умер. Ахаав, хоть на время и опечалился, однако же пошел и овладел виноградником. Бог посылает к нему Илию пророка: поди, говорит, скажи Ахааву: за то, что ты убил (Навуфея) и овладел (виноградником его), прольется кровь твоя, и псы будут лизать кровь твою, и блудницы мыться в крови твоей. Гнев Божеский, приговор решительный, осуждение окончательное! И смотри, куда (Бог) посылает его (Илию)? В виноградник. Где беззаконие, там и наказание (3Цар.21:2, 18). Что же далее? Увидев его (Илию), Ахаав говорит: *«обрел... еси мя, враже мой»* (3Цар.21:20); это значит: ты застиг меня виновным, потому что я согрешил; теперь имеешь случай напасть на меня. *«Обрел... еси мя, враже мой»*. Так как Илия всегда обличал Ахаава, то Ахаав, зная, что согрешил, говорит: ты и всегда меня обличал, но теперь благовременно наступаешь на меня; он сознавал, что согрешил. В ответ на это (Илия) объявляет ему приговор. *«Сице глаголет Господь, – говорит он, – понеже ты убил еси и приял еси в наследие, и пролил кровь мужа праведного, то прольется и твоя кровь, и пси... полижут ее, и блудницы измыются в крови твоей»* (3Цар.21:19). Услышав сие, Ахаав опечалился и плакал о грехе своем; он сознал беззаконие, и Бог отменил приговор, произнесенный на него. Впрочем, Бог наперед оправдал Себя перед Илиею, чтобы он не оказался лжецом и чтобы не случилось с ним того же, что случилось с Ионою.

А вот что случилось с Ионою. Бог говорит ему: поди, возвести в городе Ниневии, где живет сто двадцать тысяч человек, исключая жен и детей: *«Еще три дни, и Ниневия превратится»* (Ион.3:4). Зная человеколюбие Божие, Иона не захотел пойти; но что делает? Предаётся бегству. Вот, говорит, я пойду проповедовать, а Ты, по Своему человеколюбию, отменишь Свой приговор, и убьют меня, как лжепророка. Однако ж море, приняв его, не скрыло, но возвратило земле и спасло для Ниневии, точно так, как добрая служанка сохраняет свою сослужанку. *«Сниде ...Иона, – говорит Писание, – еже бежати ...и обрете корабль идуц в Фарсис, и*

даде наем свой и вниде в он» (Ион.1:3). Куда бежишь, Иона? В иную землю уходишь? Но «Господня земля, и исполнение ея» (Пс.23:1). Или в море? Но разве не знаешь, что «Того есть море, и Той основа е» (Пс.94:5)? Или на небо? Но разве не слышал ты, что говорит Давид: «Узрю небеса, дела перст Твоих» (Пс.8:4)? Но, несмотря на это, он, объятый страхом, якобы убежал, потому что на самом деле невозможно убежать от Бога. Когда же море выбросило его, он пришел в Ниневию, и проповедовал так: «Еще три дни, и Ниневия превратится» (Ион.3:4). А что действительно он предался бегству, имея в мыслях то, что Бог по человеколюбию раскается о зле, которое определил ниневитянам, и что он явится лжепророком, это доказывает сам он. Проповедав в Ниневии, он вышел из города и наблюдал, что будет. Когда же увидел, что три дня прошли и нигде не случилось ничего, чем угрожал он, – возвращается к прежней своей мысли и говорит: «Не сия ли убо словеса моя, яже глаголах, ...яко милостив Господь, долготерпелив... и каяйся о злобах человеческих» (Ион.4:2)?

Итак, чтобы не случилось того же с Илиею, что и с Ионою, Бог объявляет ему причину, по которой Он простил Ахаава. Что же говорит Бог Илии? «Видел ли», как ходил Ахаав в скорби и печали пред лицом Моим? Не сделаю (поэтому) по нечестию его (3Цар.21:29). Чудное дело! Господь становится защитником раба, и Бог перед человеком ходатайствует за человека. Не думай, говорит, будто Я без причины простил его; он переменил свой нрав, и Я отменил и укротил гнев Мой. Но и ты не будешь сочтен за лжепророка; и ты сказал правду. Если бы он не изменил своего нрава, то потерпел бы, что назначено по приговору; но он переменил нрав, и Я укротил Свой гнев. И говорит Бог Илии: «видел ли», как ходил Ахаав в скорби и печали? Не сотворю по гневу Моему. Видишь ли, что плач заглаждает грехи?

4. Есть у тебя и третий путь покаяния. Я представляю тебе многие пути покаяния, чтобы через разнообразие путей сделать для тебя удобнее спасение. Какой же это третий путь? Смиренномудрие. Будь смиренномудр, и разрешишь узы греховные. И на это есть доказательство в Божественном Писании, – в повествовании о мытаре и фарисее. Пришли, – говорит Писание, – (Лк.18:10), фарисей и мытарь в церковь помолиться, и начал фарисей вычислять свои добродетели. Я, говорит, не такой грешник, как все люди, или как этот мытарь. Бедная и несчастная душа! Ты осудила всю вселенную: для чего же еще оскорбила и ближнего твоего? Мало было бы тебе вселенной, если бы ты не осудила и мытаря? Поэтому ты обвинила всех, и не пощадила даже и одного человека. «Я не таков, как все люди, или как этот мытарь: дважды в неделю пощусь, даю бедным десятую часть моего имущества». Надменные слова произнес (фарисей)! Несчастный человек! Пусть ты осудил всю вселенную: для чего же уязвил и стоящего близ тебя мытаря? Ты не удовольствовался бы осуждением вселенной, если б не осудил и стоящего с тобою (мытаря)? Что же мытарь? Услышав это, он не сказал: ты кто таков, что говоришь это обо мне? Откуда знаешь жизнь мою? Ты не имел сношений, не жил со мною, не проводил много времени. Почему столько превозносишься? Кто свидетель твоих добрых дел? Зачем хвалишь сам себя? Зачем льстишь сам себе? Ничего такого не сказал мытарь, но, преклонившись, помолился и говорил: «Боже, милостив буди мне грешнику» (Лк.18:13)! Через такое смиренномудрие мытарь сделался праведным. Фарисей вышел из храма, потеряв праведность, а мытарь вышел, стяжав праведность, – и слова победили дела. Один делами погубил праведность, а другой словом смиренномудрия стяжал праведность. Впрочем, это и не было смиренномудрие. Смиренномудрие состоит в том, когда кто, будучи великим, уничижает себя; но признание мытаря было не смиренномудрие, а сущая правда: слова его были справедливы, потому что он был грешник.

5. В самом деле, скажи мне, что хуже мытаря? Он пользуется чужими несчастьями, участвует в плодах чужих трудов; о трудах не помышляет, а в прибыли берет себе долю. Так, грех мытаря – самый тяжкий. Мытарь есть не что иное, как обезопасенное насилие, узаконенный грех, благовидное хищничество. Что хуже мытаря, который сидит при пути и собирает плоды чужих трудов, – который, когда надобно трудиться, нисколько об этом не заботится, а когда предстоит выгода, берет часть из того, над чем не трудился? Если же мытарь, будучи грешником, получил столь великий дар за смиренномудрие, то не гораздо ли более (получит) человек добродетельный и смиренный? Итак, если ты исповедуешь грехи твои и покажешь смиренномудрие, то будешь оправдан.

Но хочешь ли узнать, кто истинно смиренномудр? Посмотри на Павла, подлинно смиренномудрого, – на Павла, учителя вселенной, духовного витию, сосуд избранный, пристань необуреваемую, столп непоколебимый, – (на Павла), который в малом теле обошел вселенную и как бы на крыльях обтек ее. Посмотри, как он смиренно любомудрствует, он – простолудин и мудрец, бедняк и богач. Его-то называю истинно смиренномудрым, – его, который понес бесчисленные труды, одержал над дьяволом бесчисленные победы, проповедует и говорит: *«Благодать Его, ...не тща во мне бысть, но паче всех... потрудихся»* (1Кор.15:10). Он, потерпевший темничное заключение, удары и бичевания, уловивший посланиями вселенную, призванный небесным голосом, он-то смиренномудрствует, когда говорит: *«Аз бо есмь мний апостолов, иже несмь достоин нарещися апостол»* (1Кор.15:9). Видишь великость смиренномудрия? Видишь, как Павел смиренномудрствует, называя себя меньшим (из апостолов)? *«Аз бо есмь, – говорит, – мний апостол, иже несмь достоин нарещися апостол»*. В том-то и состоит истинное смиренномудрие, чтобы смиряться во всем и называть себя меньшим. Подумай, кто был сказавший эти слова? Павел, гражданин небесный, хотя еще облеченный немощным телом, столп Церкви, земной ангел, человек небесный. Люблю останавливаться на этом муже и созерцать красоту его добродетели. Не столько радуется мои очи взшедшее и испускающее светлые лучи солнце, сколько освещает мою душу Павел. Солнце озаряет глаза, а Павел как бы на крыльях возносит нас к самым сводам небес, и возводит душу выше солнца и луны. Такова сила добродетели: человека она делает ангелом, и душу как бы на крыльях возносит к Небу. Этой добродетели учит нас Павел: постараемся соделаться ревнителями его добродетели.

Но мы не должны уклоняться от своего предмета. Нашей целью было показать, что смиренномудрие есть третий путь покаяния, что мытарь не смиренномудрствовал, но говорил правду, когда обнаруживал грехи свои; что стал он праведным, хотя и не тратил денег, не переплывал морей, не предпринимал дальних путешествий, не обтекал беспредельных морей, не упрашивал друзей и не потратил много времени. Нет, одним уничижением он стяжал праведность и удостоился Царствия Небесного, которое да получим мы все по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

О покаянии и молитве

1. Пастухи водят овец постоянно туда, где видят траву гуще, и дотоле не выгоняют их оттуда, пока стадо не пощиплет всю траву. Подражая им, и мы вот уже четвертый день пасем свое стадо на пастбище покаяния, да и сегодня еще не располагаемся встать, потому что видим еще много пищи, много наслаждения и вместе пользы.

Не столько древесные ветви, служащие для овец кровом в полдень, успокаивают овец, доставляя приятную и полезную тень и располагая к весьма сладкому сну, сколько чтение Божественного Писания ободряет и оживляет скорбящие и одержимые печалью души, уничтожая силу и жар скорби, и доставляя утешение, которое приятнее и сладоустнее всякой тени. И действительно, оно доставляет нам великое утешение, не только в потере имущества, не только в утрате детей, или в другом подобном несчастье, но и в обстоятельствах греховных. Когда падет человек, уловленный и низринутый грехом, когда потом будет угрызать его совесть, и он, непрестанно памятуя о грехе, подавляется чрезмерной печалью, каждый день горит в огне, и, несмотря на множество утешителей, не получает утешения, тогда войдя в церковь и услышав, что многие из святых после падения восстали и снова вошли в прежнюю славу, — неприметно получает утешение. Притом людям мы, согрешив, часто не смеем и открыть своего греха, потому что нам стыдно и совестно; а если и откроем, то не получим такой пользы. Но когда Бог утешает и касается нашего сердца, тогда сейчас же убежит всякая сатанинская печаль. Для того и описаны нам падения праведных, чтобы и добродетельные, и грешники получили от них величайшую пользу. Грешник не приходит в отчаяние и безнадежность, видя, что другой пал и однако же мог опять восстать; а добродетельный будет ревностнее и благонадежнее: когда он увидит, что многие из тех, которые гораздо лучше его, пали, то, вразумляемый страхом их падения, будет всегда бдителен и покажет великую внимательность к самому себе. И таким образом, один, усовершаясь в добродетели, а другой, грешник, избавляясь от отчаяния, первый будет стоять твердо, а последний скоро возвратится в то состояние, из которого ниспал. Когда человек утешает нас в печали, мы, по-видимому, и утешаемся на несколько времени, но потом опять впадаем в прежнюю печаль. А когда Бог вразумляет примером других, согрешивших и покаявшихся, и спасшихся, тогда Он делает ясной нам Свою благодать, чтобы мы не сомневались в своем спасении, получая верное и надежное утешение. Итак, древние повествования Писаний подают всем желающим достаточное для скорбящих врачевство, как в обстоятельствах греховных, так и в приключаящихся опасностях. Постигнет ли нас лишение имущества, или обиды от клеветников, или узы, или побои, или другое какое-либо бедствие, — смотря на праведников, которые потерпели и испытали то же самое, мы скоро можем прийти в себя. В болезнях телесных, если больной смотрит на (других) больных, он через это увеличивает свою болезнь, а часто получает и новую болезнь: например, некоторые, увидя больных глазами, и сами получали болезнь от одного взгляда. Но в болезнях душевных не так, а напротив: частое размышление о потерпевших одинаковые с нами бедствия облегчает для нас скорбь о наших бедствиях. Поэтому и Павел точно так утешает верных, выставляя им на вид святых, не только живых, но и умерших. Беседуя с евреями, которые готовы были преткнуться и пасть, он выставляет на вид святых мужей — Даниила, трех отроков, Илию, Елисея, говоря так: *«Заградиша уста львов, угасиша силу огненную, и избегоша острия меча, ...камением побиени быша, ...руганием и ранами искушение прияша, еще же и узами и темницею; ...привождоша в милотех, в козях кожах, лишени, скорбяше, озлоблени: их же не бе достоин мир»* (Евр.11:33–38).

А общение в страданиях доставляет скорбящим утешение: как терпеть одному какое-либо бедствие есть безотрадное несчастье, так найти другого, удрученного такими же бедствиями, значит облегчить свою рану.

2. Итак, чтобы не унывать нам ни в каких тяжких обстоятельствах, будем усердно внимать повествованиям Писаний. Отсюда мы получим великое ободрение к терпению, потому что не только будем утешены общением с

потерпевшими одинаковые с нами бедствия, но и научимся, как избавиться от постигающих нас зол, как и по успокоении (от бед) оставаться ровными, – и не впадать в беспечность, и не надмеваться гордостью. Ничего нет удивительного, если мы в несчастьи смиряем и унижаем себя, и выказываем великое благочестие, потому что самые искушения заставляют и имеющих каменное сердце делать это, т.е. печалиться. Но (только) душе благочестивой и непрестанно имеющей Бога пред очами свойственно, и после избавления от искушений, никогда не впадать в забвение; а это часто случалось с иудеями. Потому и пророк, посмеываясь им, говорил: *«Егда убиваше я, тогда взыскаху Его и обращахуся и утреневаху к Богу»* (Пс.77:34). И Моисей, сознавая за ними то же самое, часто увещевал их, говоря: *«и ядый», и пий, «и насытився, вонми себе, ...да не забудеши Господа Бога твоего»* (Втор.6:11–12). Между тем это и случилось, потому что сказано: *«И яде Иаков и ..утолсте, и разшире, ...и отвержся возлюбленный»* (Втор.32:15). Итак, надобно удивляться святым не потому, что они были так благочестивы и любомудры во время сильной скорби, но потому, что и по прошествии бури, и с наступлением тишины, продолжали быть одинаково скромными и старательными. И коню особенно надобно удивляться тогда, как он может без узды идти ровно; если же он прямо идет потому, что удерживается вожжами и уздою, то в этом нет ничего удивительного: тогда эту стройность приписать должно не благородству животного, но силе узды. Это же должно сказать и о душе: не удивительно, если она ведет себя скромно, когда гнетет ее страх; нет, тогда покажи мне душевное любомудрие и всяческое благонравие, когда пройдут искушения и снимется узда страха.

Но боюсь, чтобы, осуждая иудеев, мне не осудить нашего образа жизни. Когда и мы страдали от голода и заразы, от града и засухи, от пожаров и нашествия неприятелей, то не каждый ли день церковь тесна была от множества собиравшихся? Великое тогда было у нас любомудрие и пренебрежение мирскими делами; не тревожили нас ни любовь к деньгам, ни искание славы, ни страсть и стремление к распутству, и никакой другой злой помысел, но все вы предавались благочестию, с молитвой и слезами. Блудник стал тогда воздерживаться, злопамятный спешил мириться, сребролюбец склонялся к подаянию милостыни, гневливый и дерзкий обращался к смиренномудрию и кротости. Но когда Бог рассеял тот гнев, отвел бурю, и после такого волнения устроил тишину, мы опять обратились к прежним делам. Об этом я и тогда, во время самых искушений, наперед говорил и предостерегал непрестанно, однако же не имел никакого успеха, но все те (внушения) вы выбросили из ума, как сон и мимолетную тень. Посему-то боюсь теперь больше, нежели тогда; и, о чем тогда говорил я, особенно боюсь теперь, чтобы нам не навлечь на себя несчастий, более тяжких, чем прежние, и затем не получить от Бога неизлечимой раны. Когда часто согрешающий получает от Бога прощение, и между тем не располагает таким долготерпением к оставлению нечестия, то такой человек наконец доводит Бога до того, что Он и против воли насылает на него самое великое бедствие, искореняет его вконец, и уже не дает ему нисколько времени для покаяния, – как это случилось и с фараоном. Когда он, испытав великое долготерпение Божие в первой, и во второй, и в третьей, и в четвертой, и в последующих казнях, нисколько не воспользовался этим, то наконец был истреблен и совершенно уничтожен со всем городом. Это же потерпели и иудеи. Потому и Христос, определяя истребить их и подвергнуть конечному разорению, говорил так: *«Колькраты восхотех собрати чада твоя, ...и не восхотесте? Се оставляетя ...дом ваш пуст»* (Лк.13:34–35). Итак, боюсь, чтобы и нам не потерпеть того же, потому что мы не вразумляемся ни чужими, ни своими бедствиями. Впрочем, говорю это не вам только, теперь присутствующим здесь,

но и тем, которые прервали повседневное усердие и забыли о прежних скорбях, – которым я непрестанно, с крайним усилием, говорил, что, хотя и прошли искушения, но память о них должна оставаться в душах наших, чтобы мы, постоянно памятуя о благодеянии, непрестанно благодарили Бога, даровавшего его.

3. Это и тогда говорил я, и теперь говорю вам, а через вас – им: будем подражать святым, которые ни скорбями не были побеждаемы, ни от покоя не расслабевали, что бывает теперь со многими из нас, как с легкими ладьями, которые от всякого напора волн заливаются водою и тонут. Часто и бедность, нашедши на нас, заликает и потопляет нас; и богатство, прибывши к нам, опять надмевает нас и повергает в крайнюю беспечность. Потому прошу, пусть каждый из нас, оставив все, настроит душу свою ко спасению. Когда она хорошо настроена, тогда, какое бы ни постигло нас бедствие, голод ли, болезнь ли, клевета ли, расхищение ли имущества, или что бы то ни было другое, – все будет удобоносимо и легко, по заповеди Господа и по надежде на Него; равно как наоборот, у кого душа не благоустроена в отношении к Богу, такой человек испытает много скорбей и забот, хотя бы и богатство текло к нему, хотя бы были у него дети и бесчисленное множество денег. Итак, не будем ни искать богатства, ни убегать бедности, но прежде всего позаботимся каждый о своей душе и сделаем ее способной и к распоряжению настоящею жизнью, и к отшествию отсюда туда. Еще немного – и будет испытание каждого из нас, когда все мы предстанем Страшному Судилищу Христову, окруженные своими делами, и увидим собственными глазами, – то слезы сирот, то постыдное распутство, которым осквернили мы душу свою, то стоны вдов, то побои (нанесенные) бедным, и разграбление нищих; (увидим) не только это и подобное этому, но и все, что только сделали мы худого даже и в мыслях, так как Он (Бог) есть Судья помышлений и ценитель мыслей (Евр.4:12), и опять: *«испытаяй сердца и утробы»* (Пс.7:10), и *«воздающий коемуждо»* по делу *«его»* (Рим.2:6).

Но это слово мое относится не только к живущим в мире, но и к тем, которые, по любви к уединенной жизни, построили себе кельи в горах, потому что они должны блюсти не только тела свои от осквернения блудом, но и душу от всякого сатанинского любостяжания. Апостол Павел рассуждает не о женах только, но и о мужах, и всей Церкви, когда говорит, что девствующая душа должна быть *«свята и телом и духом»* (1Кор.7:34), и опять: представьте тела ваши *«деву чисту»* (2Кор.11:2). А как чистую? *«Не имущу скверны, или порока»* (Еф.5:27). И те девы, у коих угасли светильники, были девы телом, но не чисты сердцем; и хотя муж не растлил их, но растлила их любовь к деньгам. Тело у них было чисто, а душа была преисполнена блуда, потому что ими овладели злые помыслы, – сребролюбие и жестокосердие, и гнев, и зависть, и леность, и забывчивость, и гордость, и все это погубило достоинство их девства. Потому и Павел говорит: *«Да будет (дева) свята и телом и духом»* (1Кор.7:34), и опять: *«деву чисту представити Христови»* (2Кор.11:2). Как тело растлевается блудом, так и душа оскверняется сатанинскими помыслами, превратными правилами, нечистыми мыслями. Кто говорит: я девственник по телу, а в душе завидует брату, тот не девственник: его девство растлила связь с завистью. Тщеславный также не девственник: его девство растлила любовь к злословию; вошла (в него) эта страсть – и нарушила его девство. А кто ненавидит своего брата, тот более человекоубийца, чем девственник; и вообще, какою кто одержим бывает злою страстью, ею и растлевает свое девство. Поэтому Павел устраняет (нас) от всех этих злых связей и повелевает нам быть девами, так чтобы добровольно не принимали мы в душу никакого противного помысла.

4. Что же нам сказать на это? Как заслужить помилование? Как спастись? Вот что скажу: будем всегда носить в сердце молитву и плоды ее, то есть, смиренномудрие и кротость. *«Научитесь от Мене, – говорит Господь, – яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим»* (Мф.11:29); и опять Давид: *«жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит»* (Пс.50:19). Ничего так не принимает и не любит Бог, как душу кроткую, смиренномудрую и благодарную. Смотри же и ты, брат, когда что-либо неожиданно постигнет и опечалит тебя, не прибегай к людям и не полагайся на человеческую помощь, но, оставив всех (людей), востеки мыслью твоею к Врачу душ. Уврачевать сердце может единственно Тот, Кто один создал сердца наши и знает все дела наши; Он может войти в совесть нашу, коснуться сердца и утешить душу. Если же Он не утешит сердец наших, то бесполезны и тщетны будут утешения человеческие; равно как и наоборот, когда Бог успокаивает и утешает, тогда, пусть люди тысячекратно станут беспокоить нас, они не в состоянии будут нисколько повредить нам, потому что, когда Он укрепит сердце, тогда никто не может поколебать его.

Итак, зная это, возлюбленные, будем всегда прибегать к Богу, Который и хочет, и может избавить нас от несчастья. Когда надобно умолять людей, то нам необходимо наперед и поговорить с привратниками, и упросить прихлебников и льстецов, и пройти длинный путь. Но у Бога нет ничего такого; Его можно упросить без посредника; Он склоняется на молитву без денег, без издержек; довольно только возопить сердцем и принести слезы, и лишь только войдешь, тотчас привлечешь Его к себе. Притом, умоляя человека, мы часто боимся, чтобы какой-нибудь враг, или друг (наших врагов), или противник (наш) не услышал о нашем деле, или другой кто не рассказал того, о чем мы говорим, и не извратил правды; а у Бога нельзя опасаться ничего такого. Когда ты хочешь, говорит Он, умолить Меня, приступи ко Мне один, без всякого свидетеля, то есть, воззови сердцем, не приводя в движение уст. *«Вниди, – говорит, – в клеть твою, ...затвори двери твоя, и помолися Отцу твоему, Иже в тайне: и Отец твой, видяй в тайне, воздаст тебе яве»* (Мф.6:6). Смотри, какая высокая честь: когда ты умоляешь Меня, говорит Он, пусть никто не видит этого; а когда Я оказываю тебе честь, то вселенную привожу в свидетели этого благодеяния. Убедимся же, и будем молиться не напоказ и не об отмщении нашим врагам; не будем учить Его, каким образом помочь нам. Если и людям, защищающим нас и говорящим за нас перед мирскими судьями, мы рассказываем только дела наши, а образ защиты предоставляем им, чтобы они по своему усмотрению распорядились нашими делами, тем более так поступать должно в отношении к Богу. Сказал Ему твое дело, сказал, что ты потерпел, – но отнюдь не говори при этом, как помочь тебе; Он Сам хорошо знает, что полезно тебе. А есть много таких, которые, на молитве, высказывают тысячу особых прошений, и говорят: Господи, дай мне здоровье телесное, удвой мое имущество, отмсти моему врагу. Это весьма неразумно. Потому надобно, оставив все это, молить и просить только по примеру мытаря, который говорил: *«Боже, милостив буди мне грешнику»* (Лк.18:13); а Он уже Сам знает, как помочь тебе: *«Ищите..., – говорит Он, – прежде Царствия Божия, ...и сия вся приложатся вам»* (Мф.6:33). Так-то, возлюбленные, будем любомудрствовать, (молиться) с усердием и смирением, ударяя себя в грудь, по примеру того (мытаря) – и мы получим, чего просим. Если же мы молимся в гневе и раздражительности, то мерзки мы и ненавистны перед Богом. Сокрушим же наше сердце и уничтожим нашу душу, и будем молиться как о самих себе, так и об оскорбивших нас. Если хочешь склонить Судью к поданию помощи твоей душе и привлечь Его на свою сторону, никогда не жалуйся Ему на того, кто опечалил тебя. Таков нрав у Судьи: Он внемлет и подает просимое особенно тем, которые

молятся за врагов, не помнят зла и не восстают против своих врагов. И в какой мере они делают это, в той мере и Бог отмщает их врагам, если эти не обратятся к покаянию.

5. Смотрите же, братья, когда кто-нибудь нанесет нам какое-либо бесчестие, не будем тотчас досадовать и печалиться, но станем благодарить, терпеливо перенося (обиду) и ожидая помощи от Господа. Разве Бог не мог, еще прежде прошения, подать нам блага, даровать нам жизнь беспечальную и свободную от всякой скорби? Но Он делает то и другое по любви к нам. В самом деле, для чего Он попускает нам испытывать скорби и не скоро избавляет от них? Для чего? Для того, чтобы мы обращались к Нему с мольбой о защите, прибегали к Нему и непрестанно призывали Его к себе на помощь. Для того и болезни тела, для того и скудость плодов, для того и голод, чтобы мы из-за этих бедствий всегда прилеплялись к Нему, и таким образом через временные скорби сделались наследниками вечной жизни. Стало быть, и за них мы должны благодарить Бога, Который многими способами врачует и спасает души наши. Люди, если окажут нам ничтожное благодеяние, а мы впоследствии хоть и невольно оскорбим их какой-нибудь малостью, тотчас попрекают нас своим благодеянием, так что многие проклинают себя за то, что приняли от них какое бы то ни было благодеяние. Но Бог не так поступает; напротив, когда, и после полученных от Него благодеяний, люди пренебрегают и оскорбляют Его, – Он Сам защищается и оправдывается перед оскорбившими Его, говоря так: *«Людие Мои, что сотворих вам?»* (Мих.6:3). Они не хотели именовать Его Богом, а Он не переставал их называть людьми, они отрекались от Его владычества, а Он не отвергал их, но приближал и привлекал к себе, говоря: *«Людие Мои, что сотворих вам?»* (Мих.6:3). Разве Я, говорит, был тяжел для вас, или суров, или обременителен? Этого вы не можете сказать. Но если бы и это было, и в таком случае не следовало вам бежать (от Меня): *«Который бо есть сын, егоже не наказует отец?»* (Евр.12:7). Однако же и этого не можете сказать. И опять в другом месте: *«Кое обретоша отцы ваши во Мне погрешение»* (Иер.2:5)? Важны и удивительны эти слова; они значат вот что: в чем Я погрешил? Бог говорил людям: в чем Я погрешил; между тем, как и рабы не допускают, чтобы господин их сказал это! Притом (Бог) не говорит: в чем Я согрешил против вас, – но против отцов ваших. Вы, говорит, не можете даже сказать и того, что питаете ко мне отцовскую вражду, потому что и предкам вашим Я никогда не подавал повода жаловаться на Мое Промышление, как будто бы Я пренебрег их в малом или великом. И не просто сказал: какое (погрешение) «имели» отцы ваши, но *«кое нашли?»*. Много выискивали, много выслеживали они, будучи столько лет под Моим владычеством, однако же не нашли во Мне ни одного погрешения. По всему этому будем непрестанно прибегать к Нему, и во всякой печали искать Его утешения, во всяком несчастье – Его избавления, Его милости, во всяком искушении – Его помощи. Какое бы ни было бедствие, сколь бы велико ни было несчастье, Он может все прекратить и отстранить. Впрочем, благодать Его подаст нам не только это, но и всякую безопасность, и силу, и добрую славу, и телесное здоровье, и душевное любомудрие, и благие надежды, и то, что мы не будем спешны на грех. Итак, не будем роптать, как неблагодарные рабы, не будем и обвинять Господа, но за все благодарить Его и почитать несчастьем только одно, именно – грех против Него. И если мы так будем расположены к Богу, то не постигнет нас ни болезнь, ни бедность, ни бесчестие, ни скудость плодов и никакое другое кажущееся бедствие, но, всегда наслаждаясь чистой и невинной радостью, мы получим и будущие блага, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу слава, со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

О покаянии и сокрушении сердца, а также о том, что Бог скор на спасение и медлен на наказание; здесь же дивная повесть о Раави *

1. Божественный апостол всегда говорит божественным и небесным языком, и с великим искусством преподает евангельское слово, изрекая правила веры не от собственного разума, а по царской своей власти. Преимущественно же он обнаруживает такое искусство тогда, когда обращается с речью о покаянии к согрешающим. О том же самом предмете и я буду беседовать с вами. Итак, вы слышали, – коснусь сказанного лишь отчасти, – как этот доблестный и дивный муж, беседуя с коринфянами, говорил: (боюсь) *«Еда како пришед, не ...восплачуся многих прежде согрешших и не покаявшихся»* (2Кор.12:20–21). По природе этот великий учитель был человек, а по воле – Божий служитель, почему он и говорит как бы небесным языком, и как будто возглашая из самых небес и грешников устрашает угрозами, и кающимся обещает прощение. Когда я говорю это, то приписываю власть не (личному) слову Павла, а возвожу все к благодати Божией, о чем говорил ныне он сам: или вы *«искушения ищите глаголющего во мне Христа?»* (2Кор.13:3). Итак, он предлагает грешникам целительное врачевство и спасительное покаяние. Но сегодня с апостольским чтением совпало и евангельское властное изречение Спасителя, изобильно дарующее отпущение грехов. Исцеляя расслабленного, Спаситель, как вы только что слышали, сказал: *«Чадо, отпуцаютя тебе греси твои»* многи (Мк.2:5), а отпущение грехов – источник спасения и воздаяние покаяния. Покаяние есть врачевство, истребляющее грех; оно есть дар небесный, чудесная сила, благодатью побеждающая силу законов, почему оно ни блудника не отвергает, ни прелюбодея не отгоняет, ни пьяницы не отвращается, ни идолослужителем не гнушается, ни поносителя не отменяет, ни хулителя не гонит, ни гордеца, но всех пременяет, потому что покаяние – горнило греха. Но необходимо наперед познать намерение Божие (когда Он терпит согрешающих), приступая к такому рассмотрению не по нашим домыслам, а показывая, как истина свидетельствуется самими Божественными Писаниями. Когда Бог долготерпит грешникам, то имеет двоякую спасительную цель: с одной стороны Он ищет через покаяние спасения им самим, а с другой – предуготовляет благодеяние для их потомков, которые будут успевать в добродетели. Бог, – повторю опять, – долготерпит, чтобы и сам грешник покался, и своим потомкам не заключил пути ко спасению, потому что, хотя сам грешник и остается нераскаянным, Бог часто щадит корень, чтобы сохранить плоды, часто же, как прежде сказал я, исправляет и самый корень; а когда последний подвергается окончательной порче, то Бог отсрочивает наказание, ожидая, чтобы другие спаслись чрез покаяние. А как? Выслушай (следующее): Фарра, отец Авраама, был идолослужитель, однако не был наказан здесь за свое нечестие; да это так и следовало, потому что откуда произрос бы такой плод веры, если бы Бог пресек корень? Что хуже Исава? Посмотри здесь на другой пример Божественного милосердия. Что бесстыднее его нечестия? Не он ли был блудодей и сквернитель, как сказал апостол (Евр.12:16)? Не матереубийца, не отцеубийца ли он? Не убийца ли брата, по крайней мере в мыслях? Не он ли ненавидим был Богом, как свидетельствует Писание, говоря: *«Иакова возлюбих, Исава же возненавидех»* (Рим.9:13)? Если же он и блудник, и братоубийца, и сквернитель, и ненавидим Богом, то почему он не удаляется (из мира), почему не исторгается, почему не постигает его тотчас же достойная кара? Почему? Подлинно, следует указать причину. Если бы Бог погубил его, то мир лишился бы величайшего плода правды, а какого – послушай: Исав родил Рагуила, Рагуил – Зару, Зара – Иова. Видишь, какой погиб бы цвет терпения, если бы Бог наперед предал казни корень?

2. Так рассуждай и о всех событиях. Так, Бог показывает долготерпение в отношении к египтянам, произносившим нетерпимые хулы, ради тех церквей, которые цветут ныне в Египте, ради монастырей и избравших ангельское житие. В самом деле, и законоведы утверждают, и римские законы предписывают беременную женщину, если последняя совершит преступление, влекущее смертную казнь, предавать смерти не прежде, как она родит носимое во чреве. И такой закон весьма справедлив; составители законов не сочли справедливым губить зараз с преступной матерью неповинного младенца. Если же людские законы щадят ни в чем неповинных, то не гораздо ли больше, как и должно думать, сохранит корень Бог, предуготовляя плодам его благодеяние покаяния. Обрати, наконец, внимание на благодеяние покаяния и для самих грешников; причина Божественного милосердия и в отношении к ним – та же самая. Если бы наказание предупреждало исправление, то мир окончательно бы погиб и уничтожился. Если бы Бог ускорял наказанием, Церковь не приобрела бы Павла, не стяжала бы столь святого и великого мужа. Но Бог терпел его хулы, чтобы показать его обращение. Долготерпение Божие сделало гонителя проповедником, долготерпение Божие превратило волка в пастыря, долготерпение Божие из мытаря сделало евангелиста, через долготерпение Божие мы все помилованы, все переменялись, все обратились. Когда увидишь, как бывший некогда пьяницей стал постником; когда увидишь, что хулитель стал богословом; когда увидишь, как сквернивший некогда свои уста постыдными песнями теперь очищает душу божественными песнопениями, – прославляй долготерпение Божие, восхваляй покаяние и, смотря на такую перемену, говори: *«Сия измена десницы Вышняго»* (Пс.76:11). Бог благ ко всем людям, но преимущественно являет Свое долготерпение согрешающим. И если хочешь послушать нечто странное, – странное, впрочем, в обычном смысле, но истинное в рассуждении благочестия, – то выслушай.

К праведникам Бог везде является строгим, а к грешникам – благим, и, будучи скор на помилование, Он восставляет падшего грешника и говорит ему: *«Еда падаяй не востает, или отвращаяйся не обратится?»* (Иер.8:4). И еще: для чего отвратилась *«отвращением безстыдным»* несмысленная дочь Иудова (Иер.8:5)? И опять: *«обратитесь ко Мне... и обращуся к вам»* (Зах.1:3). И в другом месте Он, по великому Своему человеколюбию, клятвою подтверждает, что спасение дается покаянием: *«живу Аз, глаголет... Господь, не хочу смерти грешника, но еже обратится... и живу быти ему»* (Иез.33:11). Праведнику же Бог говорит: если сотворит человек всякую правду и всякую истину, и совратившись, согрешит, не помяну правды его, но во грехе своем умрет (Иез.18:24). Какая строгость к праведнику! Какое щедролюбие к грешнику! Так Бог употребляет разнообразные и различные средства, не Сам переменяясь, но разделяет щедроты Своей благодати сообразно нашей пользе. А как? Послушай. Если Он устрашит грешника, упорно пребывающего во грехах, то приведет его к отчаянию и лишит надежды; а если похвалит праведника, то ослабит силу его добродетели и сделает то, что последний, как человек уже удостоившийся похвалы, будет нерадив к подвигам (добродетели). Поэтому-то Он грешника милует, а праведника устрашает. *«Страшен, – говорит Писание, – над всеми окрестными Его»* (Пс.88:8), и: *«благ Господь всяческим»* (Пс.144:9). *«Страшен, – говорит, – над всеми окрестными Его»*. Кто же эти окрестные, как не святые? *«Бог, – говорит Давид, – прославляем в совете святых, велий и страшен есть над всеми окрестными Его»* (Пс.88:8). Если Он увидит падшего, простирает руку милосердия; если увидит стоящего, наводит (на него) страх, и поступает Он так по справедливости и правосудию, потому что праведника страхом Он подкрепляет, а грешника милосердием восставляет.

Желаешь знать, как благовременна бывает Его благодать, и как полезна и пригодна бывает нам Его строгость? (В таком случае) тщательно внимай (словам моим), чтобы это высокое рассуждение не ускользнуло от тебя. Жена-грешница, погрязшая во всякого рода грехах и беззакониях, повинная в стольких грехах, одержимая бесчисленными греховными делами, возжаждав спасения от покаяния, проникла на пир святых, – пиром же святых я называю (этот пир) потому, что здесь присутствовал Святой святых. Когда Спаситель возлежал в дому Симона фарисея, пришла эта грешная жена, коснулась ног Спасителя, омывала слезами ноги Его и отирала власами. И Человеколюбец восставляет погребенную в бесчисленных грехах, говоря: *«отпускаются греси ея»* (Лк.7:47). Я не намерен теперь исследовать всей этой истории, а (хочу) привести одно только свидетельство. Итак, смотри, какая щедрость! *«Егоже (мира) ради, глаголю ти: отпускаются греси ея мнози, яко возлюби много»*. Итак, грешная эта жена получила прощение стольких грехов, а Мария, сестра Моисея, за малый ропот, осуждается на проказу (Числ.12:10). Грешникам Бог говорит: *«Аще будут греси ваши яко багряное, яко снег убелю»* (Ис.1:18); покаянием Он изменяет мрак в свет и словом благодати разрешает бесчисленные грехи; к ходящему же в правде говорит: *«иже... аще речет брату своему: ...уроде, повинен есть геенне огненной»* (Мф.5:22). За одно слово он определил такое наказание, а при множестве грехов обнаруживает великое снисхождение.

3. Заметь еще и вот что достойное удивления. Грехи наши считаются как бы долгами, и тогда как кающимся грешникам Бог прощает весь долг, от праведников требует, напротив, еще и лихвы. Приступил к Нему человек, который должен был много талантов, и так как он, каясь и с усиленной просьбой, молил о деле, и сказал: *«Господи, потерпи на мне, и вся... воздам»* (Мф.18:26), то Человеколюбец не ждал уплаты, а вменил признание вместо уплаты долга. Должнику десяти тысяч талантов Он простил все решительно, тогда как от праведников, говорит Он, будет требовать еще лихвы: *«почто не дали сребра моего купцем, и аз пришед с лихвою истязал бых»* (Лк.19:23). Я говорю это не потому, что Бог будто бы враждебно относится к праведникам, – для Бога нет ничего вожделеннее праведника, – а потому, что, как я сказал раньше, грешника Он утешает, чтобы восставить, а праведника устрашает, чтобы утвердить (в правде); и первым прощает многочисленные грехи, как врагам и надменным, в последних же строго примечает и маловажное, желая, чтобы не было никакого недостатка в их совершенстве. Что в этом мире богатый, то праведник у Бога, и что в мире бедный, то у Бога грешник. Ничего нет беднее грешника, и ничего нет богаче добродетельного. Поэтому-то о живущих в благочестии и правоте Павел говорит: *«Благодарю Бога... яко во всем обогатистесь о Нем, во всяцем слове и всяцем разуме»* (1Кор.1:4–5), а о нечестивых блаженный Иеремия говорит: *«негли убози суть, того ради не возмогоша»* слышать слово Господне (Иер.5:4). Видишь, как убогими называет отторгнувшихся от благочестия? Итак, грешников, как убогих, Бог милует, от праведников же, как от богатых, взыскивает; первым снисходит ради убожества, а от последних, по богатству их благочестия, строго требует отчета. Как поступает Он с праведниками и грешниками, так точно поступает с богатыми и убогими. Подобно тому, как грешника Он восставляет милосердием, а праведника устрашает строгостью, так точно Он проявляет Свое попечение и в делах мира. Если Он видит блистающих достоинствами могущественных царей, князей, всех (словом), кто изобилует богатством, то говорит с ними, возбуждая страх, и с пользой присоединяет к власти страх. *«И ныне, царие, разумеите: накажитесь вси судящии земли. Работайте Господеву со страхом, и радуйтеся Ему со трепетом»* (Пс.2:10–11), потому что Он есть *«Царь царствующих и Господь господствующих»* (1Тим.6:15). Где

начальство власти, там Он прилагает страх Своего Царства, где смирение простоты, там приносит врачевство Своего милосердия, потому что Он великий Бог – Царь царствующих и Господь господствующих, и Он, снисходя с Своего достоинства, является по изображению Священного Писания и Отцом сирых, и Судьей вдовиц, будучи в то же время Царем царствующих, Князем княжащих и Господом господствующих. Видишь, сколь велико Его щедрое милосердие? Видишь, как полезен (тот) страх при благочестии и власти, (который внушает Он)? Там, где Он усмотрел, что довольно будет для утешения власти, приложил с пользой страх; а где усмотрел угнетенное принижением сиротство и обнищавшее в изнеможении вдовство, там дал в утешение милосердие. Я – Отец сирых (Пс.67:6). Бог поступает двояко: являет Свое милосердие и наказывает могущество. Он называет Себя Отцом сирых, желая утешить несчастных и в то же время устрашить людей сильных, чтобы они не обижали сирот и вдовиц. Так как смерть похитила у них: у одного – отца, у другой – мужа, то закон Божественной любви восстанавливает тех, кого поразила закон природы, и та же самая благодать в лице Царя святых вдове дает Судью, а сироте – Отца. Итак, если ты, нечестивец, притесняешь вдовиц, то раздражаешь Пекущегося о них, если обижаешь сирот, обижаешь сынов Божиих. Я, говорит, Отец сирых и Судья вдовиц (Пс.67:6). Кто же так дерзок в своем нечестии, чтобы обижать сынов Божиих и оскорблять вдовиц, о которых заботится Бог? Видишь, как мудро уготовляет Он врачевство благочестия; (видишь, как Он), не изменяясь Сам, а приспособляясь к нуждам человеческим, одним внушает страх, а другим являет милосердие? Итак, воспользуемся спасительным врачевством покаяния, или лучше – получим от Бога врачующее нас покаяние, потому что не мы Ему приносим его, а Он нам даровал его. Видишь строгость Его в законе? Видишь милосердие Его в благодати? Когда я говорю о строгости в законе, то не порицаю суда, а прославляю милосердие евангельской благодати, потому что закон неумолимо наказывал согрешающих, а благодать с великим долготерпением отлагает казнь, чтобы привести (согрешающего) к исправлению.

Итак, братья, примем спасительное врачевство покаяния, примем врачевство, очищающее наши грехи. Но истинное покаяние не то, которое произносится лишь на словах, а то, которое утверждается делами и, исходя из самого сердца, истребляет скверну нечестия. *«Измыйтесь, – сказано, – и чисти будите, отимите лукавства от сердец ваших пред очима Моима»* (Ис.1:16). Что значит это излишество слов в выражении? Не достаточно ли было сказать: *«отимите лукавства от сердец ваших»*, чтобы показать все? Почему же прибавлено: *«пред очима Моима»*? Потому, что иначе видят глаза людские, и иначе видит око Божие. *«Человек зрит на лице, Бог же зрит на сердце»* (1Цар.16:7). Не по виду лишь притворяйтесь кающимися, а покажите плоды покаяния *«пред очима Моима»*, которые испытывают тайники сердца.

4. Но и очистившись от грехов, мы должны иметь эти самые грехи перед своими глазами. И если Бог по Своему милосердию простит тебе грех, ты имей его перед глазами ради безопасности своей души, потому что память о прежних грехах предохраняет от будущих, и кто сокрушается о прежних, тот остерегается от их повторения. Потому-то и Давид говорит: *«и грех мой предо мною есть выну»* (Пс.50:5), чтобы, имея перед глазами прежние грехи, не впасть в будущее. А что Бог требует от нас такого памятования, послушай, как Сам Он говорит: *«Аз есмь заглаждаяй... грехи твоя, и не помяну. Ты же помяни, и да судимся, – говорит Господь, – глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися»* (Ис.43:25–26). Бог не требует для покаяния продолжительного срока: сказал твой грех – и ты оправдан, покайся – и помилован; не время оправдывает, а усердие кающегося уничтожает грех. Может случиться, что и

трудолившийся много времени не достигнет спасения, и в короткое время искренно покаявшийся освободиться от греха. Блаженный Самуил употребил много времени на молитву о Сауле и много ночей провел без сна, (молясь) о спасении согрешившего, но Бог, не взирая на время, потому что с молитвой пророка не соединилось покаяние согрешившего, говорит Своему пророку: *«Доколе ты плачешь о Сауле, Аз же уничижих его»* (1Цар.16:1). Слово: *«доколе»* означает продолжительность (молитвы) и настойчивость молившегося. И Бог пренебрег продолжительностью молитвы пророка, потому что с ходатайством праведника не соединилось покаяние царя. Напротив, блаженному Давиду, который, получив от святого пророка Нафана обличение греха, тотчас же вслед за угрозой обнаружил искреннее обращение и сказал: *«согреших ко Господу»* (2Цар.12:13), – одно это слово, в одно мгновение произнесенное от чистого сердца, тотчас же лишь только он покаялся, принесло всецелое спасение, потому что за этим словом последовало немедленное исправление. Поэтому Нафан говорит ему: *«И Господь отъя согрешение твое»* (2Цар.12:13).

Смотри же, как Бог медлителен на наказание и скор на спасение. И подумай прежде всего, сколько времени Милосердный (Бог) отлагал обличение. Давид согрешил; жена понесла во чреве, и никакого обличения в грехе не последовало; целитель греха посылается после того, как родился уже зачатый от греха младенец. Почему же Бог не тотчас же привел к исправлению согрешившего? Потому что знал Он, что в увлечении грехом душа грешников слепотствует, что уши погруженных в глубь греха глухи; поэтому Он и медлит оказанием помощи душе, в которой пылает страсть, и спустя так много времени дает обличение, – и в одно мгновение совершается и покаяние, и прощение. *«И Господь отъя согрешение твое»*. О, домостроительство Божие, приводящее ко спасению угрозой! Видишь, как скор Бог на спасение? Точно так же поступает Он и с другими людьми, медля на погибель и ускоряя на спасение. У нас, у людей, – употребляю такое сравнение, – здания строятся много времени, и простой дом мы строим немало времени; чтобы построить, требуется, таким образом, много времени, а чтобы разрушить – не много. А у Бога – наоборот. Когда Он устраивает, то строит скоро, а когда разрушает, то разрушает медленно. Скор Бог на устройство, медлен на разрушение, потому что Богу пристойно и то и другое; в первом обнаруживается Его могущество, во втором – благость; по преизбытку могущества Он скор, по великой благости – медлен. Слова наши подтверждаются самым делом. В шесть дней Бог сотворил небо и землю, великие горы, равнины, скалы, долины, леса, травы, источники, реки, Рай, все (словом) разнообразие, поражающее глаза наши – это великое и широкое море, острова, приморские и внутренние страны; весь этот видимый мир, со всей его красотой, Бог сотворил в шесть дней; и наполняющие этот мир разумные и неразумные существа и весь видимый нами распорядок Он созидает в шесть дней. И этот Бог, столь скорый в создании (вселенной), по Своей благости оказался медлителен, когда захотел погубить один город. Он хочет разрушить Иерихон и говорит Израилю: обходите его семь дней, и в седьмой день падет стена (Нав.6:3–4). Ты созидаеть весь мир в шесть дней, и один ли город разрушаешь в семь дней? Что же препятствует Твоему могуществу? Почему не вдруг разрушаешь его? Не о Тебе ли восклицает пророк: *«Аще отверзеши небо, трепет приимут от Тебе горы, и растаут, яко воск от лица огня»* (Ис.64:1–2)? Не поведая ли о делах Твоей силы, говорит Давид: *«Не убоимся, вневгда смущается земля, и прелагаются горы в сердца морская»* (Пс.45:3)? Ты можешь переставлять горы, ввергать их в море, а не хочешь (зараз) разрушить одного непокорного города и назначаешь семь дней на его разорение. Почему? Не потому, говорит, что могущество бессильно, а (потому, что) милосердие долготерпеливо. Дарую семь дней, как три дня Ниневию; может

статься, что город примет проповедь покаяния и спасется. Но кто будет проповедовать им покаяние? Враги облегли город, вождь окружал стены; велик страх (в городе), велико смятение! Какой же путь покаяния открыл Ты им? Послал ли Ты пророка? Прислал ли благовестника? Был ли кто-нибудь у них, кто внушил бы им полезное? Да, говорит, у них был такой учитель покаяния – та дивная Раав, которую спас Я покаянием. Она была из одного и того же рода; но так как она не была одинаковых с ними мыслей, то, не приобщившись их неверию, она не приобщилась и греху их.

5. И посмотри, какая необычная проповедь милосердия! Тот, Который говорит в законе: *«не прелюбы сотвори»*, не соблуди (Исх.20:14), переменяя слово (закона) по милосердию, восклицает через блаженного Иисуса: Раав блудница да будет жива (Нав.6:16). Этот Иисус, сын Навинов, говорящий: *«блудница да будет жива»*, был прообразом Господа Иисуса, Который говорит: *«Любодейцы и мытари предварят вас в Царствии Небесном»* (Мф.21:31). Но если ей надлежит жить, то зачем она блудница? А если блудница, то для чего *«да будет жива»*? Я, говорит, указываю на прежнее ее состояние, чтобы ты подивился происшедшей затем перемене. Что же такого, скажешь, сделала Раав, что принесло ей спасение? То ли, что приняла она с миром соглядатаев? Так поступает и (всякая) содержательница гостиницы. Не речами одними только приобретает она спасение, а предшествовавшей им верой и любовью к Богу. И чтобы тебе знать высоту ее веры, послушай, как само Писание повествует и свидетельствует о совершенных ею добрых делах. Она жила в непотребном доме, как драгоценный камень, валяющийся в грязи, как золото, затонувшее в тине, как цвет благочестия, заглушенный тернием; благочестивая душа была заключена в злочестивом месте. Обратите тщательное внимание на слова мои. Она приняла соглядатаев; и от Кого отрекся Израиль в пустыне, Того Раав проповедала в непотребном доме. Для чего упоминаю я об Израиле в пустыне? Когда гора исполнена была облаком, мраком, шумом труб, молнией и другими страшными явлениями, то из среды огня Израиль услышал от Бога: *«Слыши, Израиль: Господь Бог твой Господь един есть»* (Втор.6:4), *«да не будут тебе бози инии»* (Исх.20:3). Я *«на небеси горе и на земли доле, и несть»*, Бог *«разве»* Меня (Втор.4:39). Израиль после того, как выслушал это, слил тельца и отверг Бога; он забыл Владыку, отвергнул Благодетеля и говорит Аарону: *«сотвори нам боги»* (Исх.32:1). Если *«боги»*, то почему *«сотвори»*? Как могут быть богами, если их можно сотворить? Так-то слепая страсть воюет сама с собою и сама себя губит. Один вылит телец, а неблагодарный Израиль восклицает: *«Сии бози твои, Израиль, иже изведоша тебя из земли Египетския»* (Исх.32:4). *«Сии бози»*; одного только видят тельца, один созданный кумир, почему же (говорят) *«сии бози»*? Этим народ хотел показать, что он поклоняется не тому только, что было перед его взорами, а воображает себе и многобожие, высказывает свою мысль, а не просто рассуждает о лежащем перед глазами. Но возвратимся к нашему предмету. Что слышал Израиль, ограждаемый столь многими чудесами, руководимый наставлениями закона, и от чего отвергся, то прославляет Раав, заключенная в непотребном доме. Она говорит соглядатаям: мы узнали, что сотворил Бог ваш египтянам. Иудей говорит: *«Сии бози твои... иже изведоша тя из земли Египетския»*, а блудница приписывает спасение не богам, а Богу: мы узнали, – говорит она, – что сотворил Бог ваш египтянам в пустыне; услышали, и истаяло сердце наше, и нет в нас силы (Нав.2:9, 11). Узнали, что сотворил Бог ваш. Видишь, как она верою воспринимает слово Законодателя? Знаю, говорит она, *«яко ...Бог ваш, ...на небеси горе и на земли доле»*, и кроме Его нет Бога (Нав.2:11).

Раав прообразовала Церковь, некогда оскверненную демонским блудодеянием, а ныне принявшую соглядатаев Христа – апостолов, посланных не Иисусом

Навином, но Иисусом – истинным Спасителем. *«Вем, – говорит, – яко ...Бог ваш, ...на небеси горе и на земли доле»* (Нав.2:9, 11) и кроме Его нет Бога. Это (учение) приняли иудеи, и не сохранили; это (учение) услышала Церковь, и верно соблюла. Итак, всякой похвалы достойна Раав, прообразовавшая собою Церковь. Потому-то и доблестный Павел, уразумев достоинство ее веры и смотря на нее не как на отверженную по причине прежнего состояния ее, а как на угодную Богу по ее благочестивому обращению, сопричисляет ее ко всем святым, и сказав: *«верую Авель принесе ...жертву»* (Евр.11:4), верую Авраам сделал то-то и то-то, *«верую... Ное ...сотвори ковчег»* (Евр.11:7), верую Моисей сделал и совершил такие-то и такие-то дела и, упомянув по порядку многих святых, наконец присовокупил: *«верую Раав блудница не погибе с сопротивльшимися, приими соглядатели, ...и иным путем изведши»* (Евр.11:31). И посмотри, с какой великой мудростью соединяет она свои добрые чувства. Когда посланные царем сыскать соглядатаев говорят ей: *«Не вошли ли к тебе мужи?»* – она отвечает им: *«Да, вошли»*. Сначала она утверждает истину, чтобы присоединить затем ложь, потому что сама по себе одна ложь никогда не заслужит доверия, если не оградит себя наперед истиной. Поэтому-то те, кто желает солгать убедительно, сначала говорят правду, и то, что известно всем, а затем присоединяют уже ложное и сомнительное. *«Вошли к тебе соглядатели?»* – *«Да»*, – говорит она. Если бы она сначала сказала *«нет»*, то подала бы посланным повод к розыску. Но она говорит: *вошли и вышли таким-то путем; «пожените и ...постигнете их»* (Нав.2:5). О, прекрасная ложь! О, прекрасный обман, не предающий (на поругание) Божественного, но сохраняющий благочестие!

Итак, если Раав покаянием удостоилась такого спасения, если она прославляется устами святых, устами Иисуса Навина, возглашающего в пустыне: *«да жива будет Раав блудница»*, равно как и Павла, который говорит: *«верую Раав блудница не погибе с сопротивльшимися»*, то не тем ли больше получим спасение мы, если принесем покаяние? Настоящая жизнь есть время покаяния; обременяющие нас грехи грозят нам великой опасностью, если покаяние не предотвратит наказания. *«Предварим лице Его во исповедании»* (Пс.94:2), угасим пожар греховный, не изобильною водою, а малыми слезами. Велик огонь греха, но угасает от немногих слез, потому что слеза гасит пожар греховный и омывает зловоние греха. Об этом свидетельствует блаженный Давид, когда он, указывая, как сильна слеза, говорит: *«измыю на всяку ночь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу»* (Пс.6:7). Если бы он хотел означить только обилие слез, то достаточно было бы сказать: *«слезами моими постелю мою омочу»*; для чего же он наперед сказал: *«измыю»*? Для того, чтобы показать, что слезы омывают и очищают от грехов.

6. Грехи служат причиной всех несчастий; за грехи насылаются печали, за грехи – беспокойства, за грехи – войны, за грехи – болезни и все тяжкие страдания, какие только с нами ни случаются. Подобно тому, как искусные врачи не довольствуются исследованием видимых (признаков) болезней, а разыскивают причину видимых (ими болезней), так и Спаситель, желая показать, что грех служит причиной всех человеческих бедствий, обращаясь к расслабленному телом, – так как Целитель душ знал, что последний сначала расслабел душой, а затем уже и телом, – говорит ему: *«Се здрав еси: тому не согрешай, да не горше ти что будет»* (Ин.5:14); следовательно, причиной и предшествующей болезни был грех. Он служит причиной наказания, он – причина печали, он бывает источником и всякого несчастья. Впрочем, я дивлюсь тому, как Бог, определивший вначале человеку печаль (в наказание) за грех, нарушает (новым) определением (бывшее раньше) определение и уничтожает (новым) осуждением (прежде бывшее) осуждение. А как, – послушай. За грех дана была печаль, и печалью

разрушается грех. Тщательно внимай словам моим. Бог, угрожая жене и налагая наказание за преступление, говорит ей: «*в болезнях родиши чада*» (Быт.3:16), и этими словами показал, что болезнь – плод греха. Но, о, Великощедрый! То самое, что дал в наказание, обратил (в средство) к спасению. Грех породил печаль, печаль истребила грех. Как червь, рождаясь из дерева, губит самое дерево, так и печаль, рожденная грехом, истребляет грех, когда сопровождается покаянием. Поэтому Павел и говорит: «*Печаль... яже по Бозе, покаяние нераскаянно во спасение соделовает*» (2Кор.7:10). Прекрасна печаль в душах искренно кающихся; приличен грешникам плач о грехах: «*блажени плачущии: яко тии утешатся*» (Мф.5:4); восплачь о грехе, чтобы тебе не восплакать о наказании; оправдись перед Судьей прежде, чем предстанешь перед судилищем. Или ты не знаешь, что все, желающие смягчить судью, умоляют его не при самом разбирательстве дела, а умоляют еще до прихода на суд или через друзей, или через покровителей, или каким-нибудь иным способом? То же следует сказать и относительно Бога: во время суда нельзя уже склонить Судью, до наступления же суда можно умолить Его. Потому-то и говорит Давид: «*Предварим лице Его во исповедании*» (Пс.94:2). Там Великого Судью уже не прельстит ораторское искусство, не поколеблет могущество; Он ни на достоинства не взирает, ни лица не стыдится, ни деньгами не подкупается, но страшно и неумолимо Его правосудие.

Итак, будем здесь смягчать и молить Судью; здесь станем преклонять Его всеми силами, но не деньгами; впрочем, если нужно сказать правду, Человеколюбец преклоняется и деньгами, которые принимает Он не Сам, а через бедных. Дай нуждающемуся денег – и ты умолил Судью. Говорю это, заботясь о вас, как близких друзьях, потому что покаяние без милостыни мертво и лишено крыльев; не может окрылиться покаяние, не имея крыла милостыни. Вот почему для Корнилия, чистосердечно покаявшегося, милостыня сделалась крылом благочестия: «*Милостыни твоя, – говорится в Писании, – и молитвы твоя... въздоша*» на Небо (Деян.10:4), потому что, если бы покаяние его не имело крыла милостыни, то не возшло бы на Небо. Теперь (и нам) отверзлось торжище милостыни: мы видим пленников и нищих, видим бродящих на площади, видим вопиющих, видим плачущих, видим стонущих; дивное торжище предлежит нам; цель же всякого торжища и забота всякого купца состоят не в ином чем, как в том, чтобы за малую цену купить, что продается, а продать за большую. Не в этом ли цель всякого купца? Не с тем ли намерением начинают заниматься торговлей, чтобы за дорогую цену продать дешево купленное, и таким образом получить во много раз большие барыши? Такое-то торжище предложил нам и Бог; приобрести оправдание недорогой ценой, чтобы за дорогую продать его впоследствии, если только воздаяние можно назвать перепродажей. Здесь оправдание покупается недорогой ценой: ничего не стоящим куском хлеба, дешевой одеждой, чашей холодной воды: «*Иже... напоит... чашею студены воды, ...аминь глаголю вам, – говорит Учитель духовной купли, – не погубит мзды своея*» (Мф.10:42). За чашу студеной воды есть награда, а за одежды и деньги, подаваемые с целью благодеяния, не будет награды? Наоборот, даже великая награда. Итак, для чего упомянул Он о чаше студеной воды? Он хотел этим указать на милостыню, не требующую никаких издержек. На студеную воду ты не тратишь ни дров, не иждиваешь и ничего другого. Если же так высоко ценится милость благодеяния там, где подаяние чуждо издержек, то какого воздаяния следует ожидать от Праведного Судьи в том случае, когда снабжают (бедных) одеждами, раздают деньги и обильно наделяют прочими благами? Итак, доколе будут лежать перед нами добродетели, которые можно приобрести недорогой ценою, возьмем их, восхитим, купим у Великощедрого. «*Жаждущии, – говорит Писание, – идите на*

воду, и елицы не имате сребра, шедше купите» (Ис.55:1). Доколе предлежит торг, купим милостыню, лучше же сказать – милостыней купим спасение. Ты одеваешь Христа, когда одеваешь нищего. Это, скажешь, я знаю прекрасно и твердо; это я и раньше знал, не ты первый учишь, не от тебя от первого слышу это; не необычное ты проповедуешь, а чему часто учили нас многие из присутствующих. Знаю и сам я, знаю, что вас часто наставляли в этих и подобных истинах: но, о если бы мы, часто обучаясь им, хоть немного сделали хорошего! *«Милуяй нища взаим дает Богови»* (Притч.19:17). Дадим займы Богу милостыню, чтобы воспринять от Него милосердное воздаяние. О, сколь мудро это изречение: *«Милуяй нища взаим дает Богови»!* Почему не сказано: *«милуяй нища»* дает Богу, а: *«взаим дает»*? Знало Писание наше корыстолюбие, приметило, что алчность наша, питаемая любостыжанием, ищет излишества; для того и сказало оно не просто: *«милуяй нищаго»* дает Богу, дабы ты не подумал, что дело идет о простом возмездии, но сказано: *«милуяй нища взаим дает Богови»*. Если Бог берет у нас займы, то Он уже наш должник. Итак, каким же хочешь ты иметь Его – судьей или должником? Должник чтит дающего займы, судья же не щадит получающего займы.

7. Необходимо рассмотреть еще и другую причину, почему Бог сказал, что подающий бедняку дает займы Мне. Так как Он знал, что наше любостыжание стремится к прибытку, как я сказал раньше, и что имеющий деньги ни в каком случае не захочет дать займы без ручательства, потому что заимодавец требует или залога, или обеспечения, или поручителя, и под этими тремя ручательствами вверяет свои деньги, т.е., когда, как выше сказано, или возьмет поручительство, или залог, или обеспечение; так как знал Бог, что без таких ручательств никто не дает займы, что всякий руководится не человеколюбием, а взирает на одну только прибыль, между тем бедняк лишен подобного рода ручательств, потому что не имеет ни залога, – ибо ничем не владеет, – ни обеспечения, – ибо наг, – ни поручителя, – ибо по бедности ему не доверяют; так как знал Бог, что бедняк подвергается опасности по своей бедности, а имеющий деньги подвергается опасности за свое жестокосердие, то сделал Себя посредником (между тем и другим), для бедняка стал поручителем, а для заимодавца залогом. Не веришь ты, говорит Он, бедняку ради его скудости, поверь Мне ради Моего богатства. Увидел бедного – и оказал сожаление, увидел бедного – и не презрел, но Себя Самого дал порукою за неимущего и по Своей великой благодати пришел на помощь нуждающемуся, о каковом Его милосердии свидетельствует блаженный Давид, говоря: *«Яко преста одесную убогаго»* (Пс.108:31). *«Милуяй нища взаим дает Богови»* (Притч.19:17). Будь, говорит, благонадежен: Мне займы даешь. Что же такое приобрету я, если даю Тебе займы? Поистине, преступнейшее дело – требовать отчета от Бога.

Впрочем, снисходя твоему беззаконию и желая милосердием победить твою жестокость, исследуем и это. Какую пользу получаешь ты, когда даешь займы другим? Какого прибытка ищешь ты от них? Не на сто ли ищешь один, если ищешь законной лихвы; а если обогащаешься, увлекаясь своей алчностью, то соберешь двойной или тройной неправедный плод. – Но Я награждаю большим твою страсть к любостыжанию; иду дальше твоих ненасытимых желаний; богатством Моим покрываю твои безмерные стремления. Ты ищешь в сто раз меньшего, а Я даю тебе в сто раз большее. – Итак, Ты заимствуешь, Господи, Ты берешь здесь от меня займы милостыню, подаваемую нищему, чтобы некогда мне воздать ее? Тогда я ищу договора и желаю утвердить взаимные условия; объяви мне время уплаты, назначь определенный срок, когда я получу обратно долг. Совершенно излишни такие условия. *«Верен Господь во всех словесех Своих»* (Пс.144:13). Но так как честный должник обыкновенно определяет срок и назначает день (уплаты),

то послушай, когда и где воздаст тебе долг Тот, Кто взял у тебя займы через нищего. Когда *«сядет... Сын Человеческий... на престол славы Своея, ...и поставит овцы одесную Себе, а козлища ошуюю. И ...речет сущим одесную Его»* (здесь обрати внимание, как честно поступает Должник по отношению к займодавцу, с какой великой благодарностью воздаст Взывший займы): *«приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира»*. За что? За то, что *«взалкался... и дасте Ми ясти; возжадахся, и напоисте Мя; наг»* был, *«и одеясте Мя; в темнице... и приидосте ко Мне; болен»* был, *«и посетисте Мене; странен бех, и введосте Мене»* (Мф.25:31, 33–36). Тогда хорошо послужившие в этой жизни, взирая на собственную немощь и на достоинство Взывшего займы, говорят: *«Господи, когда Тя видехом алчуща, и напитахом? Или жаждуща, и напоихом?»* (Мф.25:37), – Тебя, на Которого *«очи всех... уповают, и Ты даеши им пищу»* в изобилии (Пс.144:15)? О, великая благодать! Он скрывает Свое величие ради милосердия. *«Взалкался бо, и дасте Ми ясти»*. О, великая благодать! О, безмерная милость! *«Даяй пищу всякой плоти»* (Пс.135:25), отверзающий руки Свои и исполняющий *«всякое животно благоволения»* (Пс.144:16), алкал, говорит, и *«дасте Ми ясти»*, не по унижению Своего достоинства, а по человеколюбию Своему, ставшему порукой за бедных. *«Возжадахся, и напоисте Мя»*. Кто говорит это? Тот, Кто вливает водное естество в озера, реки и источники; Тот, Кто говорит в Евангелии: *«Веруй в Мя, якоже рече Писание, реки от чрева его истекут воды живы»* (Ин.7:38); Тот, Кто сказал: *«аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пьет»* (Ин.7:37). Но говорит еще: *«Наг был, и одеясте Мя»*. Мы одели Того, Кто одевает небо облаками, Кто облакает всю Церковь и вселенную. *«Елицы бо, – говорится в Писании, – во Христа крестистесь, во Христа облекостесь»* (Гал.3:27). *«В темнице»* был. Ты ли в темнице, изводящий *«окованныя»* (Пс.67:7)? Изъясни, что говоришь, потому что величие отрицает говоримое Тобою. Когда видели мы Тебя в такой нужде? Когда сделали это? *«Понеже, – отвечает Он, – единому сих ...меньших ...сотвористе, Мне сотвористе»* (Мф.25:40). Не истинно ли изречение: *«милуяй нища взаим дает Богови»*? И вот что, заметь, удивительно: ни о какой другой добродетели не упоминает Он, кроме дел милостыни, хотя и мог сказать: *«приидите благословеннии»*, потому что вы целомудренно жили, потому что сохранили девство, избрали евангельское житие, но умалчивает об этом, не потому, чтобы недостойно было упоминания, а потому, что эти добродетели ниже милосердия. Но как этим, стоящим одесную, Он назначил Царство, дарованное за милосердие, так, наоборот, стоящим с левой стороны грозно изрек наказание за непринесение плода (милостыни). *«Идите ...проклятии»* в мрак кромешный, *«уготованный диаволу и аггелом его»* (Мф.25:41). Почему? За что? За то, что алкал, *«и не дасте Ми ясти»* (Мф.25:42). Не сказал: *«за то, что блудодействовали, прелюбодействовали, за то, что воровали, лжесвидетельствовали, за то, что нарушили клятву»*; нет сомнения, и это – пороки, но более простительные, чем бесчеловечие и немилосердие. Почему, Господи, не упоминаешь Ты о других грехах? – Не сужу, говорит, грех, но жестокость; не сужу согрешивших, но непокаявшихся. За жестокосердие осуждаю вас, за то, что, имея такое великое и сильное врачевство к спасению – милостыню, которой заглаждаются все грехи, вы презрели такое благодеяние. Итак, Я поношу жестокосердие, как корень зла и всякого нечестия; хвалю (напротив) милосердие, как корень всех благ, – и одним угрожаю огнем вечным, а другим обещаю Царство Небесное. – Хороши, Владыка, и обетования Твои, прекрасно и Твое ожидаемое Царство, равно полезна и геенна, которую Ты угрожаешь; одно – потому что поощряет нас, другая – потому что устрашает. Прекрасно поощряет Царство, а геенна к пользе устрашает,

потому что Бог грозит геенной не потому, чтобы желал ввергнуть в геенну, а чтобы избавить нас от геенны: если бы Он хотел наказать, то не грозил бы наперед, чтобы мы не предостереглись и не избежали угрозы. Бог угрожает мщением, чтобы мы избежали действительного мщения; устрашает словом, чтобы не наказать самым делом. Итак, дадим Богу займы милосердие. Дадим займы, чтобы, как я сказал раньше, обрести Его должником, а не судьей, потому что должник стыдится заимодавца, стыдится – и оказывает ему почтение. Если заимодавец придет к дверям должника, то последний убегает, если не имеет средств (к уплате), а если имеет, смело принимает его. Обрати внимание еще и на нечто другое, что заставляет удивляться Праведному Судье, если сравнить это с образом поведения людей. Если ты дашь займы какому-нибудь бедняку, а должник впоследствии разбогатеет и окажется наконец в силах уплатить долг, тогда он отдает его, таясь от людей, чтобы не испытывать стыда за прежнее свое состояние, и выражает (заимодавцу) благодарность, а благодеяние его скрывает, стыдясь прежней нужды. Бог же поступает не так: Он тайно берет займы, а возвращает долг явно, потому что когда Он получает заем, то получает его через тайную милостыню, а когда отдает, то отдает перед взорами всей твари. Но, может быть, кто-нибудь скажет: почему же Бог точно так же, как Он даровал мне – богатому, не дал и бедному? Конечно, Он мог дать одинаково и тебе, и убогому; но не пожелал Он, чтобы и твое богатство было бесплодно, и его бедность оставалась без награды. Тебе – богатому Он повелел богатеть милостыней и расточать в правде, ибо *«расточи, – сказано, – даде убогим: правда Его пребывает во век»* (Пс.111:9). Видишь, что богатый посредством милостыни собирает себе правду вечную? Рассуди опять и о бедном: у него нет богатства, которым он мог бы заслужить правду; но зато у него есть бедность, которой он приобретает терпение вечное, ибо *«терпение убогих не погибнет»* вовек (Пс.9:19), о Христе Господе нашем, Которому слава во веки веков. Аминь.

О покаянии

1. Хотя вчера я отлучился от вас, но не по своей воле, а по необходимости; отлучился от вас телом, но не сердцем, отлучился плотью, но не мыслью, потому что я, насколько было сил моих, обнимал всех вас и носил в своей памяти. И вот опять, братья, лишь только временная эта болезнь оставила меня, я как можно скорее поспешил увидеть лицо ваше, и с остатками еще недуга побежал к вашей любви. Больные, излечившись от недуга, спешат в купальни и бани, а я счел достойным посмотреть вожделенные лица ваши и удовлетворить, по долгу моему, вашему желанию слушать меня, – пожелал увидеть это великое море, в котором нет соли, море, не вздымаемое волнами; пришел я посмотреть вашу очищенную ниву. Где, в самом деле, такая пристань, как Церковь? Где такой рай, как наше собрание? Нет здесь змея – наветника, но Христос, открывающий тайны. Нет Евы, виновницы падения, но Церковь – восстановительница падшего. Нет здесь листов древесных, но плод духовный. Нет здесь огады терновой, но лоза плодовая. А если я найду здесь терновник, то превращу его в маслину, потому что то, что бывает здесь, зависит не от недостатка природы, а от свободного произволения. Если же увижу я волка, сделаю его овцою, не через изменение самой природы, а переменою его воли.

Поэтому не погрешил бы тот, кто назвал бы Церковь лучшею ковчега, потому что ковчег принимал животных и сохранял их такими же животными, а Церковь принимает животных и пременяет их. Например, вошел туда ястреб – и вышел он (оттуда) ястребом, вошел волк – волком и вышел; а здесь кто входит ястребом, выходит голубем, входит волк – выходит овца; входит змея, и выходит

ягненок, не потому, что переменяется природа, а оттого, что зло изгоняется. Вот почему я не перестаю говорить вам о покаянии, потому что покаяние, тягостное и страшное для грешника, есть врачевство грехов, средство, истребляющее беззаконие, иждивение слез, дерзновение к Богу, оружие на дьявола, меч, отсекающий его голову, надежда на спасение, устранение отчаяния; оно отверзает человеку Небо, оно возводит его в Рай, оно побеждает дьявола. Вот почему не перестаю беседовать о покаянии, вселяющем в нас смелую надежду на победу (над врагом). Ты грешник? Не отчаивайся; не перестану укреплять вас этими лекарствами, потому что знаю я, каково это оружие против дьявола – не предаваться нам отчаянию. Если у тебя есть грехи, не отчаивайся, – не перестану постоянно повторять это, – и если каждый день согрешаешь, каждый день кайся. Подобно тому как в обветшавших домах, когда они сгниют, мы удаляем сгнившие части и заменяем новыми, и никогда не покидаем подобных забот, так точно и ты: обветшал сегодня от греха? Обнови себя покаянием. Можно ли, скажешь, спастись покаявшемуся? Вполне возможно. Хотя бы я всю жизнь провел в грехах, но если покаюсь, спасусь? Конечно. Чем это может быть доказано? Милосердием твоего Владыки. Разве я надеюсь на твое покаяние? Разве твое покаяние может в самом деле очистить такие скверны? Если бы одно только покаяние было, тебе действительно следовало бы бояться; но так как с покаянием соединяется Божие милосердие, а для Божественного милосердия меры нет и нельзя изречь словом Его благодати, – твоя злоба имеет меру, а у врачевства нет меры; твоя злоба, какова бы ни была, есть злоба человеческая, а человеколюбие Божие неизреченно, – то надейся, что оно преодолет твою злобу. Подумай, может ли упавшая в море искра светиться? Как мала искра в отношении к морю, так ничтожен и грех в отношении к милосердию Божию, да и не так, а в гораздо сильнейшей степени, потому что море, как бы оно велико ни было, все же имеет пределы, а Божие милосердие безгранично.

Говорю это не с той целью, чтобы сделать вас нерадивыми, но чтобы внушить вам больше ревности. Часто убеждал я не ходить в театр. Ты слышал, но не повиновался, ходил в театр, не послушал моего слова; не стыдись опять прийти (сюда) и слушать. Слышал, скажешь ты, и не исполнил: как могу прийти (сюда) опять? Но ты по крайней мере уже сознаешь, что не исполнил; ты уже стыдишься; тебе совестно; ты без всякого обличителя налагаешь уже на себя узду; слово мое уже вкоренилось в тебе, поучение мое исправляет тебя даже без моего присутствия. Ты не соблюл (сказанного), но ты осудил себя и тем наполовину уже соблюл; хоть ты и не соблюл, однако признался (по крайней мере), что не соблюл. Кто осуждает сам себя за неисполнение, тот стремится уже к выполнению. Ты был на зрелище? Совершил преступление? Стал пленником блудницы? Но вышедши из театра, ты опять опаматовался и почувствовал стыд? Приди. Ты опечалился? Помолись Богу: ты не далек уже от исправления. Горе мне, скажешь, – слышал я, и не исполнил: как войду в церковь? Как стану опять слушать? Но тогда-то, напротив, и войди сюда, когда не соблюл, чтобы опять выслушать и исполнить. Если врач приложит тебе пластырь, но не вылечит тебя, то не прикладывает ли его опять на другой день? Когда дровосек, желая срубить дуб, берет топор, рубит корень, то если с одного удара не упадет бесплодное дерево, не наносит ли он второго удара, четвертого, пятого, десятого? Так и ты делай. Блудница – тот же дуб, бесплодное дерево, произрастающее желуди – пищу бессловесных свиней; она издавна укоренилась в сердце твоем, в деревянной ограде заключила твою совесть. Слово мое – тот же топор. Ты слушал его один день; как же в один день упадет то, что вкоренилось издавна? Если и дважды услышишь, если и трижды, если и сто, и тысячу раз, не будет удивительно; только вырви застарелый порок, дурную привычку. Манну вкушали иудеи и требовали египетского луку, говоря:

«хорошо было нам в Египте». Так гнусна и зловредна привычка. И хотя бы ты десять дней пожил добродетельно; хотя бы сто, триста дней, я не буду еще доволен, и стану благодарить и обнимать тебя; я хочу только одного, – чтобы ты не ослабевал, а стыдился бы и осуждал себя.

2. Опять, беседовал я о любви; ты выслушал, ушел и ограбил? Делами ты не оправдал наставления? Не стыдись вновь прийти в церковь. Стыдись грешить, но не стыдись каяться. Смотри, что сделал тебе дьявол. О двух вещах следует рассудить: о грехе и покаянии. Грех есть рана, покаяние – врачевство. Что для тела раны и лекарства, то для души грехи и покаяние. Но грех сопровождается стыдом, а покаяние дает дерзновение. Обрати тщательное внимание, умоляю тебя, на слова мои, – чтобы тебе не смешивать предметов, и не лишиться пользы (от моего наставления). Язва и врачевство, грех и покаяние. Язва – грех; врачевство – покаяние. В язве – гной; в лекарстве – очищение гноя. Во грехе – гной, во грехе – поношение, во грехе – посмеяние; в покаянии – дерзновение, в покаянии – свобода, в покаянии – очищение грехов. Обрати тщательное внимание. За грехом следует стыд; покаяние сопровождается дерзновением. Уразумел, что говорю я? Сатана извратил естественный порядок: греху он дал дерзость, а покаянию – стыд. Не отстану до вечера (объяснять это), до тех пор пока не разрешу (того, о чем начал говорить). Я должен исполнить обещание и не могу отступить. Есть язва и лекарство. В язве гной; лекарство обладает силой очищать гной. В лекарстве ли гной? В язве ли целительна сила? Не имеют ли и то и другое своего собственного свойства. Может ли сообщиться первое последнему, или последнее первому? Ни в каком случае. Перейдем к душе, отягченной грехами. Грех имеет своим уделом поношение и бесчестие; покаяние сопровождается смелой надеждой, покаяние соединено с постом, покаяние дает оправдание. *«Глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися»* (Ис.43:26). *«Праведный себе самого оглаголник в первословии»* (Притч.18:17). Итак, сатана, зная, что за грехом следует стыд, который легко может отвратить от него согрешающего, а покаяние сопровождается дерзновением, которое в силах привлечь кающегося, извратил естественный порядок, и стыд отдал покаянию, а дерзновение – греху. Каким же это образом? А вот как: пленяется кто-нибудь безумной страстью к всенародной блуднице; следует он за блудницей, как пленник, входит в ее жилище, и не стыдясь, не краснея, отдается блуднице, совершает грех, и нет у него ни стыда, ни стеснения. По окончании греха он выходит оттуда и стыдится покаяться. Несчастный! Когда отдавался блуднице, тогда тебе не было стыдно, а когда пришел каяться, тогда стыдишься? О чем он, скажи мне, стыдится теперь, если не стыдился, когда предавался блуду? Делает (постыдное) дело, и не стыдится, а слова стыдится? Злодейство дьявола это. В грехе он не допускает ему стыдиться, а всенародно дозволяет ему бесчестить себя, потому что знает, что если грешник почувствует стыд, то убежит от греха; в покаянии (напротив) заставляет его стыдиться, зная, что стыдящийся не покается. Два зла учиняет он: вовлекает в грех и удерживает от покаяния. В чем же стыд, наконец? Когда предаешься блуду, – не стыдишься, а когда принимаешь врачевство, – стыдишься? Тебе стыдно, когда освобождаешься от греха? Тогда надлежало тебе стыдиться, тогда должен был чувствовать стыд, когда грешил. Когда был грешником, – не стыдился, когда же стал праведником, – стыдишься? *«Глаголи ты беззакония твоя прежде, да оправдишися»* (Ис.43:26). О, милосердие Владыки! Не сказал, «чтобы не быть наказанным», но: *«да оправдишися»*. Неужели для него не достаточно, что Ты не наказываешь его, а еще делаешь праведным? Подлинно так. Но обрати тщательное внимание на изречение. Праведником, говорит, сделаю его. Где же сделал это Бог? Когда Он спас разбойника за то лишь, что тот сказал другому: *«Ты*

ли ни боишься Бога, ...и мы убо в правду: достойная бо по делом наю восприемлева», Спаситель говорит ему: «Днесь со Мною будеши в раи» (Лк.23:40–41, 43). Не сказал: освобождаю тебя от наказания и муки, но вводит его оправданным в Рай.

Видишь, как он через исповедание стал праведником? Многомилосерд Бог! Он Сына не пощадил, чтобы пощадить раба; предал Единородного, чтобы искупить неблагодарных рабов; кровь Сына Своего положил вместо цены. О, человеколюбие Владыки! И не повторяй мне опять: много согрешил я, – как я могу спастись? Ты не можешь, Владыка твой может, и так, что изгладит грехи. Тщательно внимай слову. Изглаждает Он так грехи, что не остается даже и следа их. На телах это невозможно: как бы много ни старался врач, сколько бы снадобий ни прикладывал к ране, – только рана скроется; и часто случается, что кто-нибудь получит удар по лицу и залечит рану, а шрам остается и безобразием лица указывает на бывшую рану. Врач старается всевозможными средствами уничтожить и шрам, но оказывается не в силах, потому что ему противится и слабость природы, и бессилие искусства, и ничтожество лекарств. Когда же Бог изглаждает грехи, то не оставляет ни шрама, не попускает остаться и следу, но вместе со здоровьем дарует и благообразие, вместе с освобождением от наказания дает и оправдание и делает согрешившего равным несогрешившему. Он уничтожает грех и обращает его ни во что, как будто его и не было; так Он истребляет его, (что не остается) ни шрама, ни следа, ни приметы, ни знака.

3. Но откуда видно это? Я должен представить и доказательство тому, о чем говорю, но не от собственных домислов, а от Писаний дать подтверждение, чтобы свидетельство было вполне надежно. Приведу вам (в качестве доказательства) людей, покрытых ранами, целый народ, исполненный язвами, гноем, червями (до того, что он) весь – рана, весь – язва, и однако может так излечиться, что не останется ни шрама, ни следа, ни знака; приведу людей, которые имеют не одну рану, не две, не три, не четыре, а в ранах с ног до головы. Прилежно внимай словам моим, потому что всех касается это наше спасительное слово. Я приготавливаю лекарства лучшие, чем (готовят) врачи, такие, каких не могут приготовить и цари. Что может царь? Выпустить может из темницы, но освободить от геенны не в силах; может дать денег, а души спасти не в состоянии. Я вручаю вас покровительству покаяния, чтобы вы узнали его могущество, чтобы узнали его силу, чтобы узнали, что грех не может победить его и что нет греха, который в силах был бы преодолеть его могущество. Приведу не одного, не двоих, не троих, а тысячи людей, покрытых струпами, язвами, зараженных бесчисленными грехами, которые так могли спастись покаянием, что не осталось ни следа, ни знака прежних язв. Но усердно внимайте словам, да и не только внимайте, а и запоминайте то, что будет сказано, чтобы вы могли наставить и отсутствующих, и таким образом возжечь ревность тех, которые лишены пользы нынешнего слова.

Итак, пусть предстанет Исаия, зревший Серафимов, слышавший их таинственную песнь и прорекший много о Христе. Спросим, что говорит он. «Видение, еже виде Исаиа... на Иудею и на Иерусалим» (Ис.1:1). Скажи видение, какое видел ты, скажи мне. «Слыши небо, и внуши, земле, яко Господь возглагола» (Ис.1:2). Иное ты обещал, и иное говоришь. Что же иное обещал я? Ты начинаешь словами: «Видение ...на Иудею и на Иерусалим», а потом, оставив Иудею и Иерусалим, беседуешь с небом и обращаешь слово к земле, оставив же и словесных людей, беседуешь с бессловесными стихиями? Это потому, что словесные стали неразумнее бессловесных. И не только поэтому, но подобно тому, как Моисей, намереваясь ввести иудеев в землю обетования и предвидя будущее, – что они пренебрегут дарованными им благами, – говорит: слыши небо,

и да внушит *«земля глаголы уст моих»* (Втор.32:1). «Засвидетельствую вам, иудеи, небом и землею, – говорит Моисей, – что если войдете в обетованную землю и оставите Господа Бога, то рассеяны будете по всем народам»; так и Исаия, когда (при нем) угроза готова была исполниться на деле, не мог призвать в свидетели умершего уже Моисея и тех, кто слышал его и давно скончался, почему и призывает свидетелями те самые стихии, которыми свидетельствовал Моисей. Вот вы отпали от обетования; вот вы оставили Бога: как поставлю в свидетели тебя, Моисей? Ты умер и скончался. Как призову Аарона? И он предался смерти. Не можешь поставить меня в свидетели? Призови стихии, потому что и я при своей жизни не свидетельствовал ни самим Аароном, ни кем другим, потому именно, что они должны были скончаться, а пребывающими стихиями засвидетельствовал вам, – небом и землею. Итак, Исаия говорит: *«Слыши небо, и внуши, земле»*, – вас повелел призвать сегодня в свидетели Моисей. Но не поэтому только призывает он эти стихии, а и потому еще, что он говорил к иудеям. *«Слыши небо»*, – потому что ты одождило манну; *«внуши земле»*, – потому что ты дала перепелов. *«Слыши небо»*, слышь, потому что ты одождило манну, ты явило сверхъестественное, – вверху было и гумну уподобилось. *«Внуши земле»*, потому что ты была долу, и устроила трапезу без предуготовлений. Бездействовала природа, но действовала благодать. Не трудились волы, но произрастал колос; не было ни рук поварских, ни приказания, но манна, освященный источник, служило им вместо всего. Природа забыла о своей немощи. Как не изнашивались одежды их? Как не ветшала обувь их? Все готово было к их услугам. *«Слыши небо, и внуши, земле»*. Несмотря на все удостоверения (Божественного покровительства) и явные благодеяния, Владыка терпит оскорбление. К кому обращу слово, как не к вам? Человека не имею, который послушал бы (меня). Вот я пришел, и нет человека; говорил, и не было слушающего. С неразумными беседую, потому что разумные пали ниже неразумных. Поэтому и другой пророк, видя, как безумствует царь, как почитается кумир, а Бог предается бесчестию, и все одержимы страхом, говорит: «послушай, алтарь, послушай меня». Ты говоришь с камнем? Да, потому что царь бесчувственнее камня. Послушай меня, алтарь, послушай: *«сице глаголет Господь»* (3Цар.13:2), и тотчас же алтарь расселся (3Цар.13:5). Камень послушал, камень распался и пролил жертву. Как же не услышал человек? Он простер руку свою, чтобы схватить пророка. Что же делает Бог? Он сделал сухой его руку. Примечай, что сотворил (Бог), заметь милосердие Владыки и грех раба. Почему с самого начала не иссушил Он его руки? Потому, что хотел вразумить его разрушением камня. Если бы не разрушился камень, пощадил бы я тебя; но так как камень развалился, а ты не исправился, то навожу на тебя гнев мой. Простер (царь) руку свою, чтобы схватить пророка, и высохла рука. Так водружен был трофеей. Столько оруженосцев и вождей, такое громадное войско присутствовало здесь, а он (царь) не мог согнуть руки своей, рука так и оставалась (простертой), громко возвещая о поражении нечестия и победе благочестия, милосердия Божиим и о безумии царя. И согнуть ее (царь) не мог.

4. Но чтобы нам, при постоянных уклонениях в сторону, не потерять из виду нашего предмета, покажем то, что обещали. Что же я обещал? Обещал я доказать, что если кто имеет и множество ран, но покается и сделает доброе дело, то Бог так заглаживает их, что не остается ни знака, ни следа, ни признака грехов. Это я обещал, это постараюсь доказать.

«Слыши небо, и внуши, земле, яко Господь возглагола». Скажи мне, что *«возглагола»* Он? *«Сыны родих и возвысих, тии же отвергошася Мене. Позна вол стяжавшаго»* (они бессловесных бессловеснее); *«и осел ясли господина своего»* (несмысленнее ослов они); *«Израиль же Мене не позна, и*

людие» Меня «не разумеша». «Увы, язык грешный» (Ис.1:2–4). Зачем Он говорит это? Разве нет надежды на спасение? Зачем, скажи мне, говоришь Ты: «увы»? – Затем, что не нахожу исцеления. – Почему говоришь: «увы»? – Потому, что давал Я врачевство, и не зажила рана, – поэтому Я и отвратился. Что же мне делать? Не стану и стараться об излечении. Словом «увы» Он подражает плачущей женщине, и хорошо поступает. Обратите, прошу вас, тщательное внимание. Почему говорит: «увы»? Потому, что то же самое бывает и при телесных болезнях. Когда врач видит, что для больного нет надежды на спасение, то плачет, и домашние с родственниками рыдают и стенают, но уже тщетно и напрасно, потому что когда больной должен умереть, то хотя бы восплакал весь мир, он не воздвигнет его. Плач этот происходит следовательно от печали, а не от того, что будто бы он мог возвратить здоровье. Но в отношении к душе этого не бывает; если ты восплачешь, то часто случается, что и воскресишь мертвого душою. Почему? Потому, что умершее тело не восстает человеческой силой, а умершая душа восстает через покаяние. Смотри на блудника и восплачь о нем, и не раз восставишь его. Поэтому-то и Павел не только писал, не только увещевал, но и слезно плакал, уча (тому же) всех вас. Пусть ты учишь; для чего еще и плачешь? Для того, чтобы, если бессильно будет наставление, помогли слезы. Так точно плачет и пророк. И Господь наш, предвидя разрушение Иерусалима, говорит: «Иерусалиме, избивый пророки и камением побиваяй посланния» к нему (Мф.23:37), – обращается с речью к падшему городу, подражая плачущему человеку. Так и пророк говорит: «Увы, язык грешный, людие исполнены грехов». Нет здорового места на теле. Видишь, как они покрыты язвами? «Семя лукавое, сынове беззаконнии». Почему плачешь ты, скажи мне? «Остависте Господа и разгневасте Святаго Израилева» (Ис.1:4). «Что еще уязвляется»? Чем еще поражу вас? Голодом ли? Губительною ли язвою? Все наказания посланы, а нечестие ваше не истребилось. «Прилагающе беззакония? Всякая глава в болезнь, и всякое сердце в печаль» (Ис.1:5). Нет ни струпа, ни язвы (Ис.1:6). Новое говоришь ты. Незадолго ты говорил: «Семя лукавое, сынове беззаконнии; остависте Господа и разгневасте Святаго Израилева», и: «увы, язык грешный». Ты плачешь, скорбишь, рыдаешь, считаешь раны, а потом говоришь: «ни струп, ни язва»? Обрати внимание. Рана называется так тогда, когда все прочие части тела здоровы, а одна часть поражена нечувствительностью. А здесь (пророк) говорит, что все тело – струп. «Ни струп, ни язва, ни рана палящаяся», но «от ног даже до главы... несть пластыря приложити, ниже елеа, ниже обязания. Земля ваша пуста, гради... огнем пожженни, страну вашу... чуждии поядают» (Ис.1:6–7). Все это сделал Я, и вы не исправились; Я употребил все искусство, а больной остается мертв. Придите, «услышите слово Господне, князи Содомстии и ...Гоморрстии. Что Ми множество жертв ваших» (Ис.1:10–11)? Так что же, Он обращает речь к содомлянам? Нисколько, а самих иудеев называет содомлянами; так как они подражали образу жизни последних, то и называет их именем. Придите, «услышите слово Господне, князи Содомстии: и ...Гоморрстии. Что Ми множество жертв ваших, глаголет Господь? Исполнен есмь всесожжений овних и тука агнцов ...не хочу. ...Аще принесете Ми семидал, всуе: кадило мерзость Ми есть. Новомесячий ваших и суббот... ненавидит душа Моя, ...поста... и дне великаго не потерплю... Егда прострете руки ваша ко Мне, отвращу очи Мои от вас» (Ис.1:10–11, 13–15). Что может сравниться с таким гневом? Пророк призывает в свидетели небо; плачет, проливает слезы, рыдает и говорит народу израильскому: нет «ни струпа», нет «ни язвы». Бог гневается, Он не принимает ни жертвы, ни новомесячия, ни субботы, ни семидала, ни молитвы, ни воздаяния рук. Видишь язву? Видишь неисцельную болезнь не у одного, не у

двоих, не у десяти, а у тысячей? Что же затем? *«Измыйтесь, чисти будите»* (Ис.1:16). Есть ли грех, за который можно бы предаваться отчаянию? Сам Бог говорит: не слышу вас (Ис.1:15), и затем говорит: *«измыйтесь»*. Для чего Ты говоришь это? То и другое говорится для пользы: то, – чтобы меня утешить, другое, – чтобы привлечь. Если Ты не слышишь их, у них нет надежды на спасение; если они не имеют надежды спастись, то как говоришь Ты: *«измыйтесь»*?

Но Он есть Человеколюбивый Отец, единый Благий, милосердствующий более всякого отца. И чтобы увериться тебе, что Он Отец, Он говорит им: что сделаю с Иудой? Не знаешь, что сделаешь? Знаю, но не хочу. Свойство грехов требует (наказания), но обилие милосердия удерживает. Что сделаю тебе? Поощажу ли тебя? Но ты станешь еще беспечнее. Поражу ли тебя? Но этого не терпит милосердие. Что сделаю тебе? Истреблю ли тебя огнем, как Содом, или разрушу тебя, как Гоморру? *«Превратися сердце Мое»* (Ос.11:8). Бесстрастный подражает страстному человеку, или лучше – нежно любящей матери. *«Превратися»*; так сказала бы жена отроку: превратилось сердце мое по природе материнской. Но Он не удовольствовался первыми словами. Смутился в раскаянии Моем (Ос.11:8). Бог ли смущается? Нет! Да не будет! Божество чуждо смущения; но, как сказал я, Бог подражает нашей речи. *«Превратися сердце Мое; измыйтесь, чисти будите»*. Что я обещал вам? То, что Бог, принимая кающихся грешников, хотя бы обремененных бесчисленными грехами и покрытых (греховными) струпиями, так врачует их, что у них не остается ни следа грехов, не остается ни знака, не остается никакого напоминания. *«Измыйтесь, чисти будите, отимите лукавства»* ваши *«от душ ваших, ...научитесь добро творити»* (Ис.1:16–17). Какое добро повелеваешь Ты? *«Судите сиру и оправдате вдовицу»* (Ис.1:17). Не тяжки повеления; сама природа ведет к ним, потому что естественно оказывать сострадание к женщине. *«Приидите, и истязимся»* (Ис.1:18). Сделайте ничтожное, а остальное приложу Я; немного дайте Мне, и Я дарую все. *«Приидите»*. Куда же пойдём? Ко Мне, Которого вы раздражили, Которого прогневали, ко Мне, Который сказал: «не слушаю вас», чтобы, утрашившись угрозы, утолили вы гнев Мой. *«Приидите»* к Неслышащему, чтобы Я услышал. Что же сотворишь Ты? Не оставлю следа (грехов), не оставлю знака, не оставлю струпа. *«Приидите, и истязимся, глаголет Господь»*, и говорит: *«аще будут греси ...яко багряное, яко снег убелю»* (Ис.1:18). Неужели нигде нет струпа? Нигде скверны? И даже еще с цветом чистоты? *«И аще... будут яко червленое, яко волну убелю»* (Ис.1:18). Неужели нигде нет черноты, нигде нет пятна? Как же будет это? Но разве не таковы обетования? *«Уста бо Господня глаголаша сия»* (Ис.1:20). Вот, ты видел не только величие обетований, но и достоинство Даровавшего их. Все возможно Богу, могущему сделать чистое из скверного. Итак, прослушав слова Его и познав врачевство покаяния, станем воссылать Ему славу, ибо Его слава и держава во веки. Аминь.

О покаянии и о тех, кто оставляют собрания; здесь же о священной трапезе и Суде

Как сеятелям нет никакой пользы, когда они бросают семена при дороге, так и нам нет никакой пользы от того, что именуемся христианами, если не оправдываем наименования соответствующими делами. Если желаете, представлю вам достоверного свидетеля (этому), брата Божия, Иакова, который говорит: *«Вера без дел мертва есть»* (Иак.2:20). Итак, всюду необходимо упражнение в (добрых) делах, а без него и наименование христианином не может

принести нам пользы. И не удивляйся. Скажи мне, в самом деле, какая польза воину от того, что он состоит на военной службе, когда он не достоин ее, и, будучи питаем за счет царя, не сражается за него? Может быть, – хотя и ужасно слово мое, – лучше было бы ему не вступать вовсе в военную службу, чем, вступивши, не радеть о царской чести. Как может не подвергнуться наказанию тот, кто живет за счет царя, а за царя не сражается? Да что говорю я, за царя? Пусть хоть заботились бы мы о своей душе. Но как, скажешь, живя в мире, среди беспокойства, могу я спастись? Что ты говоришь, человек? Хочешь, я кратко укажу тебе, что не место спасает, а образ жизни и произволение? Адам в Раю, как бы в пристани, потерпел крушение, а Лот, живя среди содомлян, как бы в море, спасся. Иов заслужил оправдание, будучи на гноищах, а Саул, пребывая в чертогах, лишился и здешнего царства, и будущего. Нельзя оправдываться словами: не могу я жить в мире, среди беспокойства, и спастись. Откуда берется такое оправдание? От того, что вы не часто приходите, одни – на молитву, другие – на Божественные собрания. Разве вы не видите, как стараются те, кто желает получить почести от земного царя, и как они склоняют к ходатайству (за них) других, чтобы не лишиться того, чего они домогаются? Это говорится о тех, кто оставляет освященные собрания и в час страшной и таинственной Трапезы занимается беседами и пустыми разговорами. Что делаешь ты, человек? Не обещался ли ты священнику, и на его слова: «горе имеем ум наш и сердца», не сказал ли: «имамамы ко Господу»¹³? Ты не чувствуешь страха, не стыдишься оказаться лжецом в самый страшный час? Удивительно! Когда уготована таинственная Трапеза, когда закалается за тебя Агнец Божий, когда за тебя подвизается священник, когда духовный огонь истекает от пречистой Трапезы, предстоят Херувимы, летают Серафимы, шестокрылые закрывают свои лица, все бестелесные силы молят за тебя вместе с иереем, духовный огонь снисходит с Неба, от пречистого ребра изливается в чашу Кровь в твое очищение, – ты не боишься, не стыдишься в этот страшный час оказаться лжецом? Из ста шестидесяти восьми часов в неделе один лишь единственный час отделил Себе Бог: неужели ты и тот потратишь на дела житейские, на смех и разговоры? С какою, после этого, дерзостью приступишь ты к Таинствам? С какою оскверненною совестью? Неужели ты, с пометом в руках, осмелился бы коснуться края одежды земного царя? Ни в каком случае.

Не полагай, что (это) хлеб, и не думай, что вино, потому что они не выходят из человека, как прочие роды пищи. Нет; не рассуждай так! Но подобно тому как воск, соприкасаясь с огнем, ничего из себя не теряет, и ничего не получает, так точно думай и здесь, что Тайны срастворяются с сущностью тела. Поэтому и приступая, не думайте, будто, вы принимаете Божественное Тело от человека, а представляйте, что вы принимаете Божественное Тело как бы огонь из клещей самих Серафимов, которых видел Исаия (Ис.6:6–7), спасительную же Кровь станем принимать, как бы касаясь устами Божественного и пречистого ребра. Не будем поэтому, братья, оставлять собраний, равно как и в них предаваться праздным разговорам: будем стоять со страхом и трепетом, опустя взор долу, а душу имея горе, и с воздыханиями будем восклицать не голосами, а сердцем. Не видите ли, как предстоящие видимому, тленному, временному и земному царю бывают недвижимы, молчаливы, спокойны, не блуждают взором в разные стороны, а стоят, потупившись, смиренно и со страхом? Возьми их в образец себе, человек. Так стойте перед Богом, прошу вас, как если бы вы явились пред лицом земного царя. Перед Небесным Царем должно стоять и гораздо с большим страхом. Не перестану повторять, что часто и раньше говорил, пока не увижу вас исправившимися. Входя в церковь, войдем как пристойно перед Богом, не питая в душе злобы, чтобы при молитве нам не молиться против самих себя,

говоря: «*Остави нам... яко же и мы оставляем должником нашим*» (Мф.6:12). Страшно слово это, и кто произносит его, как бы так взывает к Богу: «Я оставил, Владыко, оставь и Ты; я отпустил, отпусти и Ты; простил, прости и Ты; сам я не простил, не прощай и Ты; если я не отпустил ближнему, и Ты не отпускаяй моих согрешений. Какую мерю мерил я, пусть отмерится и мне».

Зная это и помышляя о том страшном дне и представляя тот огонь и страшные наказания, обратимся наконец от пути, по которому блуждали. Настанет час, когда прекратится зрелище этого мира и не будет уже времени для подвигов. Нельзя по окончании жизни заниматься делами, нельзя по прекращении зрелища стяжать венки. Настоящее время – время покаяния, будущее – время Суда, теперь – время подвигов, тогда – время венцов; теперь – пора труда, тогда – время отрады; теперь – время изнурения; тогда – время воздаяния. Воспряните, молю, воспряните и с усердием выслушаем то, что говорят нам. Мы жили по плоти, станем же теперь жить по духу; мы жили в плотских удовольствиях, будем теперь жить в добродетелях; жили в небрежении (о грехах), проживем же в покаянии. «*Почто гордится земля и пепел*» (Сир.10:9)? Что надмеваешься, человек? Что слишком хвалишься? На какую мирскую славу и богатство ты надеешься? Пойдем, прошу тебя, ко гробам и увидим совершающиеся там таинства, увидим разрушившееся естество, изъеденные кости, сгнившие тела. Если ты мудр, поразмысли; и если разумен, скажи мне: кто тут царь и кто простолюдин, кто благородный и кто раб, кто мудрый и кто неразумный? Где тут красота юности, где привлекательный взгляд, где милостивые очи, где прекрасный нос, где розовые уста, где цвет ланит, где блестящее чело? Не все ли прах? Не все ли пепел? Не все ли персть? Не все ли червь и зловоние? Не все ли тление? Имея все это в уме и помышляя о нашем последнем дне, обратимся, братья, пока есть у нас время, с нашего пути, по которому мы блуждали. Честною Кровью искуплены мы (1Петр.1:19). Для того Бог на земле явился; для тебя, человек, Бог на земле явился; не имея, «*где главу подклонити*» (Лк.9:58). О, чудо! Судья ради осужденных приходит на суд; Жизнь вкушает смерти; Создатель терпит заушение от создания; Невидимый Серафимами рабом оплевается, оцта и желчи вкушает, копьем прободается и во гроб полагается. И ты, человек, скажи мне, нерадишь, спишь и пренебрегаешь (такими чудесами)? Не знаешь, что если ты даже прольешь за Него свою кровь, то и тогда еще не выполнил своего долга, потому что иная Кровь Владычняя и иная кровь рабская? Предупреди покаянием и исправлением исход души, чтобы, когда придет смерть, не оказалось уже бессильным всякое врачевство покаяния, потому что только на земле имеет силу покаяние, а в аду оно уже бессильно. Взыщем Господа, пока есть у нас время. Будем делать добро, чтобы нам избавиться и от будущей бесконечной геенны, и удостоиться Царства Небесного благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

* * *

¹Т.е., что не был стражем брату.

²Т.е. проповеданием.

³Т.е. непамятование о предмете прежней беседы.

⁴Самая мелкая монета.

⁵Т.е. кроме милостыни и молитвы.

⁶Т.е. повеления Божия – не вкушать от древа познания добра и зла.

⁷ «*Востани и иди в Ниневию*» и проч. (Ион.1:2).

⁸Т.е. брошенного в ров пророка.

⁹Т.е. епископ Флавиан, в присутствии коего говорена была беседа.

¹⁰Т.е. собрание слушателей.

¹¹Т.е. Навуходоносор, царь вавилонский.

¹²«*Се, Аз поставляю завет Мой вам и семени вашему по вас*»

¹³Евхаристический канон.

*Произведение принадлежит епископу Севериану Габальскому – *прим. электронной редакции*.
Источник: Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе: Т. 1-12. — Санкт-Петербург: С.-Петерб. духов. акад., 1895-1906. — 12 т. / Т. 2. — 1896. — 979 с. / Беседы о покаянии. 305-386 с.